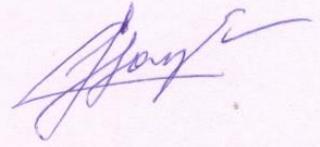

На правах рукописи

СВИТЕНКО Наталья Вячеславовна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АКСИОЛОГИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Краснодар – 2024

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы, теории литературы и критики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»

**Научный
консультант:**

Рягузова Людмила Николаевна
доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

**Официальные
оппоненты:**

Кузнецова Анна Владимировна
доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Шульженко Вячеслав Иванович
доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и литературного мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Млечко Александр Владимирович
доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

**Ведущая
организация:**

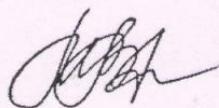
ГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический институт» (г. Армавир)

Защита диссертации состоится 23 ноября 2024 года в 9.00 на заседании диссертационного совета 24.2.320.09, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет», по адресу: 350019, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Сормовская, 7, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ауд. 309.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке КубГУ и на сайте: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1774>.

Автореферат разослан « 1 » июля 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М.В. Безрукавая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Детская литература, значимой частью которой является и подростковая, – отдельный раздел «большой» литературы, требующий особого рассмотрения и обладающий своей спецификой, – единством художественной и дидактической составляющей текста. Мастерство художественной дидактики – показатель качества литературного произведения. В зависимости от возраста читателя и художественных задач текста это качество может проявляться на разных уровнях: в образной системе, типе конфликта, сюжете. Но смысловую вертикаль, скрепляющую структуру текста, составляет ценностный «каркас». При этом «аксиологический аспект исследования литературных явлений можно считать почти универсальным – он допускает углубленное рассмотрение как содержания, так и формы произведений, как авторской индивидуальности, так и тенденций читательского восприятия»¹.

Художественная аксиология – самый короткий путь к смыслу текста, но аксиология понятая, восстановленная в контексте целого, поскольку художественная реальность сделана из слов, конфигурация и порядок которых имеют принципиальное значение. Инструментарий у литературоведа общегуманитарный, но объект исследования совершенно отдельный, «свой» – не иллюстративное приложение к философским и психологическим концептам, а самостоятельная эстетическая реальность, которая живет жизни. Его исследовательская задача – не только выявить ценностную суть героя, но и показать, как этот смысл развернут в тексте, как «сплетен» автором из слов, складывающихся в мотивы, систему образов и художественных деталей, сюжетные коллизии, располагающиеся в определенной последовательности и связи, пристраивающие точки зрения автора и героя.

Вопросы о границах понятия «подростковая литература», ее возрастной градации в современном литературоведении остаются дискуссионными. Главным критерием выделения подростковой литературы является проблемно-тематическая и аксиологическая адресация подростку. Выявление «молодежной ментальности» во «взрослой» литературе и стирание границы между подростковой и юношеской литературой формирует принцип смысловой амбивалентности, в рамках которой зачастую реализуется герой современной «взрослой» прозы. Он открывает взрослую реальность как мир, в котором ценности утрачены, а кумиры – ложны. Книга для ребенка или подростка не состоялась, если в ней нет смысловой емкости, психологической точности, художественной достоверности, онтологической глубины и пронзительности – того цветаевского «удара узнавания», разрушающего границу между читателем и героем, когда герой книги, онтологический Другой, мыслится как Друг.

В современной культурной ситуации нравственный каркас бытия, «фундамент» неокортекса, столь значимый для становления «третичного» сознания, редко оформляет ядро системы ценностей персонажа. Отметим, что субъект Фрейда (классический невротик) практически исчезает в современном

¹ Абдулина Д. А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2005. С. 8.

литературном пространстве – нечего стало вытеснять: современный субъект плоскостной, он не предполагает глубинной пропасти бессознательного. Деградация чувственного изображается в максимальном художественном разрешении, тотальная прозрачность плоскостного субъекта противопоставлена другому мутировавшему типу современной субъектности, персонажу с измененной конфигурацией психического поля – аутистическому, герметично замкнутому, подчиняющемуся только диктатуре воображаемого, физиологически неспособному к диалогу, автореферентному в коммуникативном аспекте. Эти варианты современной «взрослой» субъектности не предполагают стратегии проживания, формирующей полноценного человека.

И. П. Смирнов говорит о «катастрофической инфляции» ценностей в большой литературе, провоцирующей «ценностный хаос» современной культуры, вследствие чего из литературы исчез «внутренний» человек. Современный философ Ф. И. Гиренок отмечает, что человек перестал смотреть и видеть: «В XX веке разум не спит, но лучше бы он спал. Потому что бодрствующий разум, утратив почву, рождает монстров. Сознание оказалось чем-то бессознательным. Человек перестал смотреть и видеть (“Меня деревья плохо видят на отдаленном берегу” (Б. Пастернак). В XX в. нет личности, поскольку для личности нужна душа. Мысль и добро стали делом не личности, а гражданина мира. Цивилизация нуждается не в личностях (дело которой – Бог), а в глыбах человеческих масс. Для современного человека характерны неспособность страдать (неразличение смысла страдания), неспособность любить (подмена смысла любви суррогатами эроса или абстракциями). Безволие и бессилие – вот способ существования человека в мире относительных ценностей. Личность растворилась, но тело продолжает жить – культ тела»¹.

Для подростков характерна интенсивность проживания и радикальность экзистенциального запроса, самоутверждение личности в пространстве перманентного агона – сложного сознания в ситуации становления. Для художественной репрезентации жизни такого сознания требуется не просто мастерство писателя, ювелирная техника сюжетосложения и искусства повествования, но и понимание идеала, не умозрительно-сконструированное, а истинное, продиктованное ценностными ориентирами автора, духовной «арматурой» его бытия. У подростка «реакторы» души еще не остановились, отроки отечественной прозы раритетны для современного плоскостного мира, их экзистенциальный запрос требует полноты реализации «человеческого». Подросток, герой лиминального, порогового периода становления, оказывается в ситуации «пересборки» субъекта на новом уровне осознания бытия.

Для детской и подростковой литературы художественная убедительность основана на виртуозном владении авторами «нестилевым» словом, которое внешне равно самому себе – и одновременно намного больше: «от книг для подростков, от наших книг требуется геометрической ясности, шекспировских страстей, голливудского экшена и нравственного посыла святочных рассказов, преподнесенного с деликатностью дипломата и незаметностью шпиона, чтоб

¹ Гиренок Ф. И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М., 1998. С. 308–309.

подросток даже не понял, что его поучают! ...И вот если, совместив все эти практически невыполнимые требования, запихав под одну обложку все для читателя любого, перепрыгнув через забор из бдительных родителей, с карандашом в руках отслеживающих то конкретное место, где ты учишь детей хорошему, ты еще и сумеешь написать книгу, которую прочтут по доброй воле и захотят еще – значит, ты гений и умудрился совершить невозможное. А если не можешь совершать невозможное – пиши для взрослых, это проще»¹.

Язык детских писателей как будто лишен всякой литературной условности, писатель обращается к юному читателю на языке человеческих чувств. Условность есть, но она не осознается, а когда ощущается, произведение во многом теряет свою привлекательность. Работа читателя состоит в постижении смысла, а значит нужно, чтобы он обязательно был. Поэтому авангардная стилистика, усложненный язык редко становится языком детской литературы: «Язык искусства вообще и литературы в частности и особенно образен и доступен каждому по своей природе. Его назначение не в том, чтобы скрывать, а в том, чтобы раскрывать смысл, и потому он требует не расшифровки, а совсем иной интеллектуальной деятельности – ПОНИМАНИЯ»². Подростки не «декодируют» текст, они «понимают» произведение и проникаются его смыслом, на семантическом фундаменте которого можно многое строить в реальной жизни. Роман «Дом, в котором...» М. Петросян не рассказывает подросткам нечто о мире, а становится миром, в котором они находят себя и своих друзей. Много ли «большой» литературы, в которой взрослый читатель находит своего Другого?

Для детской и юношеской читательской аудитории необходимо писать, «как для взрослых, только лучше», нужна та «высокая простота», о которой точно сказано: «пушкинский стиль служит не “переложению”, а “схватыванию” бытия абсолютным слухом ценностного его восприятия. Это не просто “верное изображение жизни”, а ее верное ощущение и, в конечном счете, понимание высокой нравственной действительности как предмета и цели творчества, этим отличным от всех других форм сознания. И неслучайно отсюда постоянное пушкинское неприятие морализаторства в искусстве, то есть привнесения морали в некую художественную данность или подчинения этой данности неким внешним атрибутам. В своей обращенности к нравственно-ценностной системе бытия творение подлинного искусства недоступно любой конечной интерпретации»³.

М. М. Бахтин отмечает, что художественная целостность произведения образуется благодаря тому, что «ценностный контекст» автора – «познавательно-этический и эстетически-актуальный» – «как бы обнимает, включает в себя ценностный контекст героя – этический и жизненно-актуальный»⁴. Духовное убожество и этическая несостоятельность автора на поле детской литературы

¹ Вольнская И., Кашеев К. Литература для подростков: Погоня за Бет Глатисант, или «Я не догоняю!»: доклад на междунар. литературной конф. «Дни фантастики в Киеве» (11–14 ноября 2010 г.) URL: <http://www.eksmo.ru/news/authors/483417> (дата обращения: 12.05.2023).

² Линков В. Я. Введение в литературоведение: История идей от Вико до Бахтина и Гадамера. М., 2018. С. 117.

³ Гей Н. К. Категории художественности и метахудожественности в литературе // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М., 2001. С. 282.

⁴ Бахтин М. М. К философии поступка // Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 1996. С. 71–72.

мгновенно обнажаются – невозможно спрятаться за лингвистической эквилибристикой, ироничным остранением, умелым балансированием на грани китча между шаблоном массовой литературы и пародией на них. Как пронизательно заметил в одном из интервью легендарный художник-иллюстратор, мастер книжной графики А. Г. Траугот, «слова могут быть лукавы и двусмысленны, но в детском рисунке соврать нельзя – все сразу увидят, что ты соврал или ничего не понимаешь»¹.

Восприятие и понимание кардинальных проблем современного литературного процесса в сегменте детской и подростковой литературы для автора работы сформировал многолетний опыт преподавания курсов «История русской литературы XIX–XX веков», «Детская литература в домашнем воспитании и обучении», «Национальные культурные коды в литературе». Подобно тому, как «Сезанн мыслит яблоками» (М. К. Мамардашвили), так и преподаватель отечественной литературы мыслит пушкинскими, достоевскими, толстовскими, чеховскими, блоковскими аксиологемами, «сшивающими» гипертекст отечественной культуры в целостную картину мира: «такое современное понимание литературы не входит в противоречие с традицией, а продолжает ее, не упраздняет все богатства идей, накопленных веками усилиями мысли великих писателей, философов и ученых, сохраняя, в частности, значение традиционных понятий и категорий. Один из признаков подлинности идеи... в способности пробуждать в нас мгновенно идеи мыслителей прошлого, в нашем сознании как будто вспыхивают светящиеся точки, уходящие в темную даль прошедших времен»².

Определившаяся тенденция представлять в современных учебных пособиях и научных исследованиях разного уровня советскую литературу для подростков как «официозно репрессивную», «идеологически нормативную», не отражающую настоящих жизненных реалий подростка, имеющую массу табуированных тем, замалчивающую проблемы насилия, заставляет обратиться к аспекту сопоставления эстетически релевантных (равновесных по силе читательского воздействия, «онтологической» состоятельности художественных миров) советской и постсоветской литературы. И сделать вывод, что шедевры прозы для подростков и второй половины XX столетия, и рубежа XX–XXI вв. обладают инвариантными качествами, объединяющими талантливую детскую литературу. Избранный ракурс видения позволяет отчетливо артикулировать проблемы, которые решают отечественные авторы «всех времен» в «эстетической деятельности» на поле подростковой прозы, а также проблемы, которые решает герой, понять, какова природа этих проблем. Поискам ответов на эти вопросы посвящено данное исследование.

Актуальность темы исследования. В основном корпусе литературоведческих работ, связанных с осмыслением специфики подростковой литературы, преобладает проблемно-тематический подход к разработке избранной темы,

¹ Из интервью «Александр Георгиевич Траугот: Петроград, Ленинград, Петербург. Город и люди». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nh1y4ZvTrwI> (дата обращения: 23.06.2023).

² Линков В. Я. Указ. соч. С. 117.

предполагающий «кластерный» тип представления материала¹. В связи с этим наблюдается определенная асимметрия между «кластерным» и «инвариантным» осмыслением феномена подростковой прозы. Настоящее исследование предпринято как восполнение данной лакуны в отечественном литературоведении.

Кроме того, актуальность работы обусловлена необходимостью компактной, но качественной сборки большого объема материала в условиях ограниченного времени. В ситуации взрывного увеличения количества научных текстов в каждом из сегментов гуманитарного знания для студентов-филологов (да и для коллег-преподавателей) сегодня существует общая проблема: несоизмеримость объема информации и ограниченной способности человека к ее освоению. Необходимость качественной интерпретации материала с минимальными смысловыми потерями, его редукцией и архивацией становится очевидной. В курсе истории детской литературы проза для подростков занимает несколько часов, а рассказать нужно о многом. В результате аудиторной практики оформились основания, на которых можно не только оптимально «собрать» основной корпус смыслов, составляющих квинтэссенцию прозы для подростков, но и связать этот блок истории литературы с фольклором (сюжет инициации), отечественной классической литературой XIX–XX вв. (типология модусов сознаний) и национальным культурным кодом (историческая проза). Эти основания оказались «ценностными» (учитывая специфику литературы как вида искусства, где любое содержание, смыслы разных уровней существуют только в контексте эстетического целого) – художественной аксиологией.

Если отечественная литература в ценностном аспекте осмыслена детально и глубоко, то в сфере детской литературы аксиологического осмысления недостает. Тема и проблема последней главы исследования были заданы непосредственно в живой дискуссии на ежегодном библиотечном форуме: коллеги обратились с просьбой прокомментировать новый роман О. Громовой «Вальхен», основной смысл которого вызвал общее недоумение и несогласие с литературоведческой рефлексией по поводу новой исторической прозы для подростков. Анализ этого текста послужил триггером для осмысления новой прозы для подростков о «трудных периодах отечественной истории» и некоторых аспектов ценностного позиционирования этой прозы в современных исследованиях детской литературы².

В контексте сохранения верности диалогу как способу бытия настоящее исследование может быть прочитано как реплика в беседе филологов об «онтологии чтения», как конкретный вклад в дело реализации научной задачи, озвученной в докторской диссертации О. Р. Миннуллина: «необходимо представить конкретные анализы литературных произведений в свете ценностно-

¹ В одном из немногих специализированных исследований подростковой прозы – монографии Н. Ю. Богатыревой «Русская литература для подростков 2010–2020-х годов» (М.: МПГУ, 2022) – представлен наиболее полный проблемно-тематический спектр современной литературы для подростков: детско-родительские отношения, проблема абьюза и буллинга, социализация детей с ограниченными возможностями здоровья, сохранение исторической памяти, защита природы, разнообразные зависимости.

² Лану А., Херолд К., Бухина О. Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1990–2017). М., 2024; Детская литература: учебник для среднего профессионального образования / под науч. ред. В. К. Сигова. М., 2020.

онтологического подхода, которые позволят раскрыть его смыслопорождающий потенциал в отношении событий словесного искусства, утвердить, а также существенно развить и дополнить теоретические идеи конкретной аналитикой»¹.

Степень разработанности проблемы. Профессиональным ориентиром и образцом литературоведческой аналитики в аспекте избранной темы для автора настоящей работы стало комплексное исследование прозы для подростков, осуществленное М. И. Мещеряковой² в монографии «Русская детская, подростковая и юношеская проза 2-й половины XX века: проблемы поэтики» (1997). В первой ее главе были представлены особенности художественной концепции личности в социокультурном контексте, типология конфликтов, сделан акцент на речевой и ритмо-мелодической организации текстов детской и юношеской прозы 1960–1990-х гг.; вторая глава посвящена анализу условных форм детской и подростковой литературы второй половины XX в. (историческая проза, неомиф, сказка, фантастика). Определения художественных констант и перспектив развития прозы для подростков данной диссертации аксиологически «синхронизированы» с выводами М. И. Мещеряковой, продолжают работу ученого с учетом методологических и онтологических вызовов современности.

Среди монографических работ, исследующих литературу для подростков рубежа XX–XXI веков в русле ценностно-онтологической проблематики, нужно отметить работы Т. И. Михалевой³, посвященные анализу проблемы формирования личности подростка в советской и постсоветской детской литературе, и художественной дидактике военно-исторической прозы для подростков 1960–1980-х гг. в аспекте формирования гражданской позиции молодого читателя.

Одним из современных «трендов» изучения книг для детей и подростков является «взаимодействие в границах одного аналитического поля филологов, педагогов, библиотекарей, психологов, социологов, искусствоведов»⁴. В диссертации учтен значительный корпус научных работ разных представителей гуманитарного знания, посвященных изучению разнообразных аспектов феномена отрочества, и собственно литературоведческих исследований, специализирующихся на изучении его художественной репрезентации и аналитике идиостиля конкретных детских писателей. Данные исследования привлекаются в качестве научного контекста в соответствующих главах работы.

Новизна исследования заключается в разработке концептуально-терминологического аппарата для описания аксиологической сферы текста, способного эффективно анализировать ценностно-смысловой уровень художественного

¹ Миннуллин О. Р. Ценностно-онтологические аспекты художественно-литературного творчества: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2023. С. 8.

² Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX в.: проблемы поэтики: монография. М., 1997.

³ Михалева Т. И. Великая Отечественная война в литературе для детей и юношества (60–80-е гг.). М., 1992; Ее же. Нравственный смысл труда в литературе для детей и юношества (60–80-е гг.). М., 1992; Ее же. Современный подросток в современном мире: проблема формирования личности подростка в литературе 1960–2000-х годов. М., 2007.

⁴ Полевая Е. А. Итоги I всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения» // Обзоры. Рецензии. 2021. № 13. С. 317.

высказывания. В рамках этого анализа рассмотрение этических координат текста не оторвано от осознания эстетической ценности художественного высказывания – эти два аспекта выступают как постоянно коррелирующие.

«Этика» текста связана с обоснованием аксиологии метасюжета инициации прозы для подростков и выделением инвариантного типа героев (конвергенты-трансцендеры) как базовых понятий для осмысления литературы отрочества, ориентирующих исследователя на выявление ее онтологического фундамента. Опираясь на эти понятия, исследователь получает возможность артикулировать онтологическую конституцию героев-подростков, связанных специфической физиологией, психологией и экзистенциальным запросом, как архетип подростка, репрезентированный в прозе для отрочества на разных уровнях: сюжета, системы персонажей, интенций автора.

Качеством новизны обладает и аксиологическая логика, оформляющая в работе исследовательский сюжет: от описания субъекта действия, его внутренних проблем, сложности, парадоксальных деструктивно-созидательных потенций (отрочество как феномен), к представлению поля действия (метасюжета инициации как испытательного полигона для ценностного выбора, реализующегося в поступке), аксиологических оппонентов (взрослые как «оптовые поставщики» трудностей), сложно построенного «положительного» героя (детальная аналитика ценностной системы конвергента-трансцендера). Испытания духа осмысляются на ином уровне понимания и видения – в масштабе страны, мира и Вселенной: пятая глава работы размыкает настоящее подростковой прозы через обращение к прошлому (осмысление истории в современной прозе для подростков) и будущему (эвристический потенциал фантастической литературы в сегменте отроческой прозы), сопрягая таким образом временное и вечное.

Кроме того, в работе проанализированы произведения, которые ранее не попадали в поле литературоведческого внимания («В ожидании друга, или Признания подростка» Л. Нечаева, «Гонение на рыжих» Ю. Яковлева, «Отчаянная осень» Г. Щербаковой, «Семь фунтов брамсельного ветра» В. Крапивина). Эго-документ Р. Нератовой «В дни войны», привлеченный для контекстуального анализа романа «Вальхен» О. Громовой, впервые выступил в качестве материала для научного исследования.

Объектом исследования стала «художественная онтологическая реальность», созданная в отечественной прозе для подростков, **предметом** – ее ценностно-онтологическая архитектоника.

Требование «фронтального» чтения художественной и научной литературы студентами, изучающими курс детской литературы, не соответствует современным реалиям: преподавателю приходится ограничивать список произведений локальным точечным чтением – подростковая проза должна быть представлена текстами, дающими исчерпывающее представление о феномене. Ориентация на качественную «сборку» определила подход к выбору **материала исследования**: отбор текстов обусловлен ориентацией на произведения, художественные миры которых обретают онтологический статус в сознании юных читателей, становятся «художественным событием», «открывающим читателю доступность трансформирующего инобытийного опыта продвинутой

экзистенции»¹ («Дом, в котором...» М. Петросян, «Чучело» В. Железникова, «Вам и не снилось» Г. Щербаковой, «Сочинение» В. Якименко, трилогия «Паруса “Эспады”» В. Крапивина, «Гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких, «Облачный полк» Э. Веркина, «Три твоих имени» Д. Сабитовой, «Шут» Ю. Вяземского и др.). Задача нашего исследования – не охватить максимальное количество текстов для подростков, а увидеть и осмыслить закономерности подлинно художественно-органичных произведений, самосодержательных и самодостаточных. Советских и постсоветских классиков детской и подростковой литературы объединяет этическая состоятельность, понимание базового устройства нашего мира, природы личности и сути человеческого удела. В ткани талантливых текстов проявляется пушкинская теза об «обязательном присутствии нравственной действительности как составляющего ценностного начала всякого творчества». Поскольку цель творчества «не мораль, но идеал», то есть нечто «большее, чем утилитарное долженствование»², требуемое от литературы для подростков.

Цель работы состоит в выявлении аксиологического семиозиса как этической категории художественного, принципиально значимой для системного осмысления ценностно-онтологического единства отечественной (советской и постсоветской) прозы для подростков, объединяемой авторской художественной задачей: создание героя, «прорастающего» из национального прошлого, делающего экзистенциально значимый выбор в настоящем, выбор, который в перспективе простирает национальное и общечеловеческое будущее.

Задачи исследования:

1) охарактеризовать феномен отрочества в контексте открытий современного гуманитарного знания, выявить «структурно-семантические» эквиваленты различных аспектов подростковой телесности и мировосприятия в художественном тексте;

2) исследовать аксиологические интенции сюжета инициации и обосновать его статус как метасюжета в прозе для подростков;

3) описать группы персонажей, объединенные по уровню сознания, определяющего ценностную «арматуру» личности героя и перспективы ее развития;

4) обосновать специфику диалогического ментального типа как инвариантную группу персонажей, художественно репрезентированных в избранных текстах прозы для подростков и отечественной «большой» литературе;

5) определить специфику дидактического функционала прозы для подростков в контекстуальном анализе работы с национальной исторической памятью;

6) проанализировать особенности современной репрезентации «трудных периодов отечественной истории» в произведениях для подростков в структурно-семиотическом и системно-типологическом аспектах;

7) обозначить эвристический потенциал фантастической литературы в сегменте подростковой прозы в качестве ценностного «противовеса» разрушительным интенциям «новой этики».

Реализацией поставленных задач обусловлена структура работы: введение в проблематику подростковой идентичности, «картография» психики

¹ Миннуллин О. Р. Указ. соч. С. 14.

² Гей Н. К. Указ. соч. С. 281.

тинейджеров в наиболее значимых нейрофизиологических и метафизических детерминантах отрочества (1 глава); исследование аксиологического и художественного потенциала сюжета инициации, приобретающего в рамках подростковой прозы статус метасюжета (2 глава); рассмотрение негативных траекторий идентичности, связанных с теневым полюсом «взрослого» авторитарного сознания в его «репрессивной» акцентуации (3 глава); аналитика художественной репрезентации конвергентного сознания и системы ценностей его носителей – трансцендеров, артикулирующих дискурс ответственности (4 глава); исследование современной прозы о «трудных периодах отечественной истории», предполагающей обращение к тезам национального культурного кода, художественная репрезентация которых определяется ценностной позицией автора (5 глава).

Методология исследования. Методологией осмысления феномена отрочества стал ценностно-онтологический подход, в качестве автономного метода исследования научно «утвержденный» в 2023 г. защитой докторской диссертации О. Р. Миннуллина «Ценностно-онтологические аспекты художественно-литературного творчества». В данном исследовании на основе анализа и систематизации концепций «художественной целостности» ведущих отечественных литературоведов (М. М. Бахтина, Е. В. Хализева, В. И. Тюпы, М. М. Гиршмана, Л. Ю. Фуксона) определены принципы аксиологического метода изучения литературы, среди которых базовый – «установление онтологической доминанты по отношению к эстетической стороне в событии литературного произведения»¹.

Аксиологический подход к исследованию литературы для подростков универсален, поскольку предполагает аналитику формы и содержания произведения в синтезе с исследованием мировоззрения, творческой индивидуальности писателя и тенденций читательского восприятия: «интеграция аксиологии и литературоведения – это путь обновления методологии литературоведческих исследований, позволяющий обогатить науку. Ценностно ориентированный анализ дает возможность изучать художественное произведение как структуру, элементы которой обусловлены совокупностью аксиологических факторов»².

Результаты рефлексии над категориальными структурами аксиологического метода оказались релевантными для осмысления аспектов разного уровня (от архитектоники сюжета и системы персонажей до ценностных приоритетов автора), поскольку в ценностно-онтологическом подходе находит выражение взаимозависимость «человекомерности», предполагающей учет нейрофизиологических и психологических параметров, и «человекоразмерности», которая, в свою очередь, соотнесена со шкалой вневременных ценностей и со сводом универсалий национальной культуры.

Инструментарий сравнительно-типологического метода исследования позволяет определить доминантные особенности конвергентного сознания, обеспечивает аналитическое описание типологии сознаний инвариантных групп персонажей, художественно репрезентированных в произведениях, а методика

¹ Миннуллин О. Р. Указ. соч. С. 10

² Попова Е. В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 5.

аксиологического анализа – сделать выводы о способах художественной манифестации ценностной парадигмы персонажей, обладающих диалогическим сознанием.

Теоретико-методологическая основа исследования. В отличие от «большой» литературы, художественное слово для детей и подростков остается в поле миметического искусства. Но нужно уточнить, что мимесис – не только «подражание», но и «претворение» потока бытия в «осмысленную, интерпретированную» с той или иной точки зрения реальность, где художественный образ отражает и осмысляет реальность: речь идет о феномене смысла изображаемого. «Смысл как некая изначальная инстанция бытия (эманация истины) – ценностная, по природе своей, сущность»¹. В диссертационном исследовании художественное произведение рассматривается как целое, основанное на ценностной презумпции. Опорой концепции служит тезис Н. К. Гея о том, что «целостность и ценностность бытия – суть онтологическая проблематика искусства слова». Понимание художественного произведения как единого «слова» внутри художественной системы, обращенной к нравственной действительности человека и человечества, – основа анализа. Выдающиеся отечественные литературоведы (А. П. Скафтымов, П. В. Палиевский, В. Е. Хализев, В. Я. Линков) убеждены в том, что наука о литературе имеет в качестве гуманитарного познания свою особую, самобытную сущность, порожденную своеобразием ее предмета, и принципиально отличается от естественных и точных наук. Мы примыкаем к традиции гуманитарного познания, задача которого понять, защитить и сохранить человеческую сущность, открыть и исследовать семантическую реальность произведения, в котором нравственная красота утверждается императивом художественной целостности.

Глубинные изменения в современной культуре связаны с тем фактом, что на место характерной для прошлого конфронтации между научной идеологией и религиозным, партиципированным или обыденным сознанием приходит понимание необходимости их синергетического взаимодополнения и взаимопроникновения. Тотальность влияния аксиологии как методологической установки позволяет говорить о ней как об особом рода исследовательской парадигме, когерентно отображающей разрозненные, на первый взгляд, тенденции в науке и культуре в контексте не только современности, но и истории. В связи со сказанным, методологическими ориентирами стали философско-антропологические интуиции отечественных мыслителей М. М. Бахтина, А. А. Ухтомского, Г. П. Федотова, В. В. Налимова, Ф. И. Гиренка, А. К. Секацкого. Особо отметим воззрения выдающихся отечественных практиков педагогики – А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, С. Л. Соловейчика.

В трудах перечисленных ученых особым образом решается вопрос о соотношении традиции и новации: ценностно-онтологический подход структурно сопрягает достигнутое на предыдущих этапах познания (традиция), дополняя качественно новой атрибутикой научного концептуального аппарата (новации). Такой подход создает «новые коммуникативные стратегии для познающего

¹ Николаев П. А. Историзм в художественном творчестве и в литературоведении. М., 1983. С. 281.

субъекта, определяя то существенное обстоятельство, что целостность в аксиологической парадигме предстает как открытое, системное и динамичное единство в многообразии выражающих его форм»¹. При таком подходе возникают новые смысловые ресурсы для формирования синергичных методов исследования на границе дисциплинарных миров и жизненного мира человека.

Структурно-семантической базой настоящей работы стали научные исследования типологии модусов сознаний, представленные в работах В. И. Тюпы. Опорой концептуального инструментария исследования стало понятие «модус ментальности», или «вектор духа», доминирующий в той или иной исторической эпохе: роевое сознание первобытного человека, авторитарное сознание «рефлексивного традиционализма» эпохи архаичной государственности, уединенное сознание периода романтического антитрадиционализма и наиболее молодой тип ментальности – конвергентный, «антиавторитарный модус сознания, преодолевающий свою уединенность»². Эти «состояния сознания» проявляются в различных конфигурациях в ментальном поле современного человека. Доминанта конкретного модуса во многом определяется системой ценностей индивида. Аксиологическая доминанта роевого, «доличностного» сознания, для которого характерна соматическая опора на ощущение, сконцентрирована в паттернах родовой коллективной памяти. Ценностный центр авторитарного модуса ментальности, опорная функция которого мышление, – ролевая идентификация в структуре социальной иерархии. «Базовая» ценностная доминанта носителя уединенного сознания, ориентированного на чувственное мировосприятие, – «собственное “я”, а главенствующая жизненная установка – самореализация: стать и пребывать самим собой»³. Интуитивное постижение, главная функция конвергентного сознания, задает футурологический вектор целеполагания для его носителей: обладатели диалогического модуса ментальности «опрокинуты» в будущее. И безусловным аксиологическим приоритетом для этого типа сознания является «соборная» коммуникация, постижение истины в диалоге с Другим.

Соответствие модусов сознания определенным возрастным периодам жизни человека – роевое «мы-сознание» (младенчество), авторитарное «он-сознание» (детство), уединенное «я-сознание» (отрочество), конвергентное «ты-сознание» (личностная, духовная зрелость) – позволяет соотносить ментальности с типологией стадийного развития сознания человека, принятой в научных исследованиях нейрофизиологии⁴.

Сопряжение данных концепций в едином методологическом инструментарии настоящего исследования функционирует в русле научных поисков

¹ Борзенко И. М. Н. Ф. Федоров и современность: внехрамовая литургия для верующих и неверующих // Ноосферный гуманизм. М., 2015. С. 435.

² Тюпа В. И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Дискурс. 1996. № 1. С. 18.

³ Тюпа В. И. Парадоксы уединенного сознания – ключ к русской классической литературе // Парадоксы русской литературы: сб. ст. СПб., 2001. С. 178.

⁴ Савельев С. В. Морфология сознания: в 2 т. М., 2021; Сапольски, Р. Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки. М., 2021.

А. А. Ухтомского, работавшего над созданием «биологической теории религиозного опыта»¹.

Теоретический фундамент исследования составили также работы отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих генезис и семантику конвергентного сознания в философии (С. С. Хоружий, И. М. Борзенко, Р. А. Бурханов, О. В. Никулина, С. Г. Смирнова, М. А. Меликян), в психологии (А. Маслоу, О. Бахтияров, С. Гроф), в педагогике (А. А. Гагаев, П. А. Гагаев).

Теоретическая ценность исследования. В современных учебниках предлагается проблемно-тематический абрис литературы для подростков – безусловно, это результат колоссального труда коллег-филологов. Но в ситуации значительного роста текстов и исследований «кластерный» подход дает эффект скольжения по поверхности. На наш взгляд, оптимизировать ситуацию позволяет иной способ представления материала – «инвариантный». В контексте семантически емкого афоризма Архилоха: «Лисица знает много вещей, но еж знает одну большую вещь», – данная работа представляет собой попытку свести многообразие векторов изучения прозы для отрочества к единой большой концепции, сцепленной аксиологической «арматурой». Ее построение мыслится не как создание законченной системы, а как составление карты ценностных расположений, открытой для уточнений и расширений. Скажем, многочисленные работы, изучающие типажи подростков, встраиваются во всем своем многообразии в отдел «идентичностей», аналитика нетривиальных сюжетных решений – в нишу «паттернов сюжета инициации», исторические штудии пройдут по ведомству «национального культурного кода в прозе для подростков».

Такой подход акцентирует трансформативное начало гуманитарного мышления, призванного не только исследовать (синтезировать новые концепты, увеличивать объем мыслимого и говоримого), но и по-новому «сворачивать» имеющееся знание, качественно «архивировать», собирать на концептуальных основаниях, сохраняющих целое исследуемого феномена. Ценностно-онтологический метод исследования отечественной прозы для подростков позволяет выявить инвариантные структуры в сюжетосложении и типологизации персонажей, но эта «аксиоцентрическая стабильность» не статическая («завершающая»), а динамическая ценностная устойчивость в потоке становления литературы как вида искусства.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования представляют собой материал для научного обеспечения курсов по Истории русской литературы XX–XXI вв., Истории детской литературы и спецкурсов по истории отечественной прозы для подростков, а также могут быть использованы в школьной практике педагогов-словесников и в работе библиотечарей. Подготовка специалистов-филологов предполагает, что будущий педагог-словесник должен иметь не только профессиональные знания, осознавать «этос» науки (установку на поиск и рост гуманитарного знания), но и осуществлять рефлексию над ценностными основаниями научной деятельности.

¹ Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996. С. 364.

Основная гипотеза исследования. Художественная аксиология отечественной прозы для подростков второй половины XX – начала XXI века представляется парадигмой, позволяющей удерживать когерентность достаточно разнородных идей и представлений, репрезентированных в произведениях, обладающих онтологическим статусом. Художественная аксиология адресует к широко понимаемому устойчивому во времени и инвариантно разворачивающемуся в культурном пространстве способу художественной репрезентации картины мира подростка и ее дискурсивного представления, рационального «схватывания» в творческой рефлексии автором как «субъектом креативно-онтологической инициативы»¹.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуализация феномена отрочества позволяет установить соответствия, своеобразные структурно-семантические эквиваленты особенностей подростковой психосоматики и картины мира в художественном тексте: лиминальность репрезентируется в сюжете инициации, процесс усложнения сознания – в наращивании уровней рефлексии различных форм «я-повествования», фиксирующих движение от уединенности (преодоление Двойника) к конвергентности (открытие Собеседника); поиск паттернов идентичности – в воплощении героев, чьи модели поведения обладают жизнестроительным потенциалом, а личные достоинства делают их «своими Другими» читателей-подростков. Ценностно-онтологический подход позволяет увидеть кризис переходного возраста, репрезентированный в литературе как позитивный феномен, открывающий альтернативные стратегии развития личности подростка в зависимости от доминирующей системы ценностей.

2. Сюжет инициации в сегменте подростковой литературы приобретает статус метасюжета, поскольку отвечает экзистенциальному состоянию и главного героя, и читателя: кризис, переход, лиминальная стадия жизни. Семиозис инициационного комплекса составляет «арматуру» сюжета практически каждого текста подростковой литературы: инициация сдвигает «точку сборки» субъекта в экзистенциальном поле. Подростковый период – время «кокона», «куколки», из которой на следующей стадии становления должно появиться «имаго» человека – юноша или девушка. Стадия преобразования, перехода на новый уровень сознания связана с преодолением инфантилизма и осознанием ответственности, то есть с взрослением – периодом сложного психологического и телесного метаболизма.

3. Архаические корни сюжета инициации определяют его созидательный потенциал в сфере художественной аксиологии. Инициация выступает как механизм принятия социальной роли путем посвящения: транслируемые герою-неофиту сакральные знания должны «прорасти» в ценностно-смысловую сферу личности, он должен стать их хранителем и носителем. Знания, полученные как опыт запредельного, открываются как новое измерение мира или новая система отсчета, позволяющие иначе понять то, что было известно раньше. В связи с этим главная функция сюжета инициации не столько воспитательная (в аспекте

¹ Миннуллин О. Р. Указ. соч. С. 13.

волевых качеств личности), сколько онтологически значимая: перемена картины мира и системы ценностей. Сам факт смены социальной позиции – это только условие возможного личностного роста и переоценки ценностей. Содержательная сторона предстоящих изменений личности задается теми нормами, значениями, смысловыми горизонтами, которые открываются герою в новой жизненной ситуации и могут стать определяющими для его системы ценностей.

4. Ценностно-онтологический анализ позволяет увидеть глубинные основания, объединяющие подростков и взрослых советского и постсоветского периодов, противопоставляемых друг другу в работах современных литературоведов. Аксиология модусов ментальности, спроецированная на основные векторы проблематики прозы для подростков, позволяет увидеть общее вневременное ядро репрессивной авторитарности, «теневого» полюса мы-сознания, взрослые обладатели которого уклоняются от любого «творческого дискомфорта», в частности и от работы совести, перекладывая ответственность на некий раз и навсегда принятый «моральный закон». Нравственная ригидность сателлитов нормативной этики становится причиной конфликтных ситуаций и превращает авторитарно-репрессивных взрослых в «перманентных поставщиков» трудностей для подростков.

5. Ценностная система конвергентного сознания в контексте поисков синергичной антропологии, ноосферного гуманизма не только позволяет увидеть аксиологическое единство героев-подростков и «положительно-прекрасных» персонажей отечественной литературы, но и обретает отчетливый эвристический потенциал, позволяющий артикулировать ценностные максимы, общие для вневременных отечественных «праведников»: «интуиция совести», «закон заслуженного собеседника», этос ответственности, «Другой как Друг». Основная ценность конвергентного сознания – ощущение Присутствия, постоянный контакт с Другим, разомкнутое эго при сохранении личностного ядра, то есть его принципиальная диалогичность. Это герои совести, где совесть – «совместная весть» – сопрягает знание человека и абсолюта в режиме истины.

6. Герои конвергентного сознания никогда полностью не одиноки: трансцендеры подростковой прозы наследуют ценности праведников Н. Лескова и Ф. Достоевского. И те, и другие в своем архетипическом генезисе содержат семантический «код» Христа. Свобода для носителей диалогического сознания понята как свобода в первую очередь для творчества, понятого «этически». Дружеское внимание в мирозерцании подростков приобретает черты некоей фундаментальной категории, «экзистенциала» единения, рефлектирующего уникальный опыт личности, энергичного усилия индивида по созданию «жизненного мира», образующего товарищество и братство. Именно дружба, доминируя над индивидуальным, но не растворяя его, соединяет в единое целое личность каждого из главных героев подростковой прозы.

7. Способ проживания и бытия от «первого лица» для обладателей конвергентного сознания мыслится как «бытие-с-другими-людьми», то есть «со-бытие». Обладатели конвергентного сознания – творцы подлинного бытия, в терминологии синергичной антропологии – «личного бытия-общения», преодо-

левающего небратское состояние. Этическое творчество для героя конвергентного сознания – всегда с приставкой «со»: сотворчество, соприкосновение, сопричастность, соединение, созвучие, соратничество, содружество, соборность, сорадение. Синергичный диалогизм формирует определенный тип рациональности (его нельзя назвать «новым», поскольку он имел место быть, вероятно, во все времена, но осознан и системно описан в современном гуманитарном знании), позволяющий переосмыслить базовую онтологическую проблему свободы человека в самоорганизующемся мире.

8. Общее наименование для новейшей исторической подростковой прозы, фиксирующее принципиальные семы, единые для авторов – «реванш resentment». Страх, обида, ненависть – базовые составляющие ценностной пресуппозиции авторов, осуществляющих в своих произведениях символическую месть советской власти. Аргументировать данную тезу позволяет ценностно-онтологический анализ эго-документа «В дни войны» Р. Нератовой, результаты которого позволяют выявить генезис основных мотивов прозы о «сложных периодах отечественной истории» и ответить на вопрос, почему на основе «эго-документов» создаются именно художественные тексты. Выявление прецедентного (в аксиологическом аспекте) текста позволяет увидеть прозу для подростков о «трудных периодах отечественной истории» как инструмент в психоисторических войнах памяти. Приемы, «сшивающие» новую историческую прозу в единый текст, идентичны законам пропагандистской социальной публицистики: «умственное упрощение», «ограничение информации», «перманентное повторение», «субъективность», «эмоциональное давление». Реальные «эго-документы» эпохи не могут быть использованы в аутентичном виде для переписывания когнитивной исторической матрицы, поскольку являются самообличительными. Постепенное инкорпорирование ценностей коллаборационистов в художественную прозу позволяет увидеть, как работает технология расширения информационного и этического предела в сегменте детской литературы.

9. В современной прозе о «трудных периодах отечественной истории» для подростков складывается некий жанрово-тематический канон – формально-содержательная модель, построенная по определенной схеме и обладающая определенным набором идеологических доминант. Преобладают клишированные элементы художественной формы, включающие готовый набор базовых идеологем, воспроизводящих психологические и эмоциональные стереотипы. Базовая теза, фундирующая микротемы и мотивы и объединяющая основной корпус текстов новой исторической прозы в идеологический «массив» – комплементарность советского тоталитарного режима тоталитарному режиму нацистской Германии. При неочевидном воплощении этой смысловой позиции в «теле» текста функции ее артикуляции выполняют предисловия, комментарии и послесловия; инвариантное название подобного паратекстуального комплекса – «Как это было на самом деле».

10. Новая этика оказывается проводником репрессивных смыслов для образа будущего, активируя проблему футуроцида в прозе для подростков. Банализация потребностей, герметизация сознания, фрагментация знаний

способствуют формированию у подростков упрощенной картины мира, «спонсируя» неготовность к современным реалиям, требующим для своего восприятия формирования сложного сознания, способного не только помыслить образ будущего, но и претворить его в жизнь. Новая историческая проза осуществляет управление прошлым, новая этика, инкорпорированная в литературу для подростков, пытается осуществлять управление будущим. Сумма результатов подобных усилий приводит к онтологическому «коллапсу»: разрушению национальной картины мира в сознании подрастающего поколения. Ценностно ориентированная литература, способная по воле автора вывести читателя-подростка на уровень формирования национального самосознания, – размышления о Родине, ее судьбе, ментальности русского человека, его психологии и метафизике – выступает в качестве элемента национальной «онтологической обороны».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в тезисах и докладах на научно-практических конференциях, семинарах и форумах: Ежегодная Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, КубГУ, 2015–2024); Международная научно-практическая конференция «Гамлет и Дон Кихот в русской и зарубежной словесности» (к 400-летию со дня смерти М. де Сервантеса и У. Шекспира (КубГУ, Краснодар, 2016); Международный форум «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (Липецк, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016), Международная научно-практическая конференция «Литература и революция» (к 100-летию Октябрьской революции (Краснодар, КубГУ, 2017); Международная научная конференция «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма», посвященная 20-летию Комплексного научно-исследовательского института им. Х. И. Ибрагимова, РАН (Грозный, 2018); научно-практический семинар «Юбилейное: вопросы истории, поэтики, интерпретации русской и зарубежной литературы», посвященный литературным юбилеям: писатели, ученые, книги (Краснодар, КубГУ, 2018); Международная конференция «Национальный интерес, национальное самосознание и национальная безопасность: трансструктурность в контексте глобальных изменений» (Нижний Новгород, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2020); IV Всероссийская научно-практическая конференция «Крапивинские чтения» (Екатеринбург, 2023); IX Международный научно-практический семинар «Проблемы изучения и преподавания литературы в школе и вузе: “мысль семейная” в художественной литературе» (Горловка, ДНР, РФ, Донецкий государственный университет, 2024).

Проблематика диссертационного исследования сложилась по итогам ежегодных обсуждений классической и современной литературы для детей и подростков с коллегами-библиотекарями из разных регионов России на Всероссийском библиотечном форуме «Книга. Библиотека. Общество» (Министерство культуры Краснодарского края, Краснодарская краевая детская библиотека имени братьев Игнатовых): «Стратегия чтения: ориентиры детской библиотеки»

(Геленджик, 2017); «Стратегия поддержки и развития детского чтения в Десятилетие детства в Российской Федерации» (Крымск, 2018); «Современная детская библиотека: вызовы общества и времени» (Геленджик, 2019); «Концептуальный подход к развитию детского чтения в цифровую эпоху» (Краснодар, 2020); «Детская библиотека: парадигма развития. Вызовы времени» (Краснодар, 2021); «Библиотека без границ: новые возможности и успешные практики» (Краснодар, 2022); «Детская библиотека XXI века: современные тренды и эффективные практики» (Краснодар, 2023).

По результатам исследования опубликована 1 монография, 36 научных статей, в том числе 18 в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий (6 публикаций в журналах, отнесенных ВАК к категории К1; 6 – к категории К2, 6 – к категории К3), 1 статья в журнале, индексируемом в наукометрической базе Web of Science, 3 – в международной реферативной базе данных и системе цитирования GeoRef.

Структура и объем исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации – 372 страницы, список использованных источников составляет 430 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначены актуальность, новизна исследования, сформулированы цели, задачи и обозначена теоретико-методологическая база. В отечественной литературоведческой методологии аксиологический подход в его ценностно-онтологической версии активно используется в контексте развития современных междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований. Исследование психологии переходного возраста через призму современной прозы для подростков способствует пониманию способов взаимодействия гуманитарного знания о феномене отрочества, выявлению специфики воплощения в литературе социально-психологических и духовных особенностей возрастных изменений в жизни человека.

В **первой главе «Феномен отрочества: между телом и духом»** произведена концептуальная «разметка» феноменального поля отрочества в методологической перспективе современного гуманитарного знания. Такой подход позволяет инсталлировать в предметное поле феномена отрочества открытия нейрофизиологии, философские максимы, размышления психологов, которые до настоящего времени в нем не рассматривались.

Параграф **1.1 «Картография психики подростка: соматика и нейрофизиология»** представляет психофизическое «тело» субъекта исследования, для которого на стадии формирования лобной коры, «отвечающей» за развитие чувства меры и фундирующей амбивалентность подростковых психических реакций, характерны лиминальность и отчуждение, дофаминовая потребность социального признания и одобрения, нейрофизиологический конфликт лимбической системы и неокортекса, обостренное внимание к деталям и экзистенциальный запрос на подлинность.

В параграфе **1.2 «Аксиология личности: личность как система ценностных отношений к себе и к миру»** представлена специфика процесса

формирования аксиологического центра личности у подростков. Владение навыками нравственной саморегуляции начинается у младших школьников и завершается в целом в возрасте двадцати лет. Подростки преодолевают близость отношений с друзьями и семьями (стадия уединения), чтобы вступить в мир, лежащий за пределами ближней зоны. В этот период новой психической реальности, период формирования ценностного ядра, конституирующего субъекта, человек может стать независимой личностью (а может и не стать), поскольку взросление, «инициация к зрелости» часто ведет к окостенению и душевной одномерности. Свободе воли противопоставляется детерминизм, обусловленный наследственностью и средой. Но наследственность и среда обуславливают действия человека, но не определяют их: именно свобода воли отличает человека от животного или робота. Эти эмоциональные переживания, вызванные спецификой переходного момента, трансформируются в экзистенциалы бытия «будущего» человека. Определение моральной нормы основано на внутреннем чувстве вины и стыда, выступающем в качестве естественного внутреннего регулятора нравственного поведения. Послушание имеет внешний локус контроля. Детерминантами нравственного поведения выступают эмоциональный интеллект (способность понимать и называть свои собственные чувства) и воля (умение управлять своими чувствами).

В параграфе **1.3 «Кризис идентичности и поиск формы присутствия в мире: от уединения к конвергенции»** речь идет о «мытарствах» идентичности, которые «провоцирует» возрастная инициация. В контексте концепции, фиксирующей соответствие модусов сознания определенным возрастным периодам жизни человека, отрочество изоморфно модусу уединенного «я-сознания», базовая ценностная доминанта носителя которого – собственное «я». Выход из тупика уединенного сознания (освобождение от своего «двойника»), по мысли А. А. Ухтомского, возможен только через осознание новой категории, – категории лица (приобретение «Собеседника»). В данном разделе работы рассматривается специфика архетипа трикстера как лиминального персонажа, семантическое ядро которого послужило основой для двух паттернов подростковой идентичности, полярных по своим ценностным установкам. Их ролевые психосоциальные версии в контексте семиосферы подростковой литературы анализируются в отдельных пунктах параграфа.

В пункте **1.3.1 «Шут»: сталкер в ловушке уединенного сознания»** рассматриваются формы актуализации и функционирования архетипа трикстера в качестве «матрицы» характера и доминантной психологемы образа главного героя повести «Шут» Ю. Вяземского (1982). Главный герой выбирает роль Шута-трикстера, позволяющую подростку на определенном этапе жизненных испытаний сохранить целостность собственного «я». Но архетипический «ген» шута опасен своей принципиальной амбивалентностью: комическая ипостась архетипа онтологически связана с демонической, поскольку трикстер имеет двойственную природу. Если в начале «бытия шутком» герой пользуется лишь «инструментарием» архетипического «предка», в который входят дистанцирование, особая «точка зрения», ироническое отстранение, то по ходу развития сюжета ролевой архетип «захватывает» и подчиняет героя, «переписывая» его

этическую основу. Изначальные «высокие» ценности, толкнувшие подростка на радикальную работу над собственным «я», «активировавшие» волевую и эмоциональную составляющие характера, мутируют, оборачиваются аксиологической инверсией: роль Шута «переигрывает» своего героя. Уединенное сознание маркирует одну из негативных траекторий идентичности: изнутри «я-сознания» просто не видно высоту ценностной центрации обладателя конвергентной ментальности. «Я-сознание» интериоризируется в «гравитационном коллапсе» эго, это сознание-воронка. А конвергентное сознание трансцендеров – сознание-спираль, разворачивающаяся вертикально. Они принципиально аксиологически разновекторны.

В пункте 1.3.2 **«Чудаки»: нравственный экстремизм “хороших плохих” девчонок**» предметом рассмотрения стал литературный генезис героинь-«пацанок», реализующих нестандартные для девочек модели поведения. Женя Камчадалова («Семь фунтов брамсельного ветра» В. Крапивина), Таня Вьюник («Гонение на рыжих» Ю. Яковлева), Дубравка (героиня одноименного рассказа из цикла «Рассказы о веселых людях и хорошей погоде» Р. Погодина) – конфликтные подростки, попадающие в категорию «трудных». Их литературная «бабушка», Пеппи Длинныйчулок – яркий и успешный представитель «трикстерных педагогов» (Н. Липовецкий), доминантные черты которых – артистизм, непослушание, неформатность, внутренняя свобода от условностей. Но хулиганский «ген» не делает героинь лиминальными персонажами, их ценностно-смысловое ядро гомогенно, а вот инструментарий для противостояния и коррекции зла имеет определенно трикстерную природу. Здесь есть трикстерский жест и инструментарий, но нет амбивалентной семантики. Это территория семиозиса юродства, особого шутовства. И хулиганство, и дерзость «хороших плохих» девчонок соприродны юродскому жесту – задача юродивого срамить дьявола на его территории и его инструментами, чем и занимаются упомянутые герои – в масштабе и соответствующем стилистическом антураже школьной повести. С юродивыми наследниц Пеппи роднит экзистенциальная чистота и нравственный экстремизм, «донкихотский» набор личностных качеств и «встроенный» точный нравственный камертон. «Хорошие плохие» девчонки привносят в прозу для подростков сложно простроенное обаяние деятельного добра. Их хулиганство – иноформа бунтарства, дерзости, внутренней свободы и нравственной силы. Неформатный бунтарь создает сложную модель положительного героя в эмоциональном и психологическом планах, ценностная же система героя остается без трансгрессивных переходов. Трикстеризация главного героя – не симптом отклонения от правильного пути, а художественный прием «оптимизации» персонажа, усложнения структуры образа в противовес одномерному морализаторству, жесткой дидактике.

В параграфе **1.4 Нарращивание уровней рефлексии: «взросление письмом» в жанре дневника** рассматривается «дискурсивный» аспект взросления. «Кризис четырнадцати лет – это время обращения к “я” как языковому костылю. Обращения подростков к экзистенциальным проблемам переходного возраста. Это кризис самости без “я”. “Я” берет под контроль самость.

Начинается история человека как вербального автомата. Грезы у него остаются только в сновидениях. Его спонтанность становится контролируемой словом»¹. В период отрочества главные изменения происходят на уровне мышления и речи: усложнение рефлексивного плана, открытие возможных точек зрения, формирование, осознание, «сдвиг» внутреннего наблюдателя художественно репрезентируются в повествованиях от первого лица, самая оптимальная и частотная жанровая форма – дневник героя. Повесть Л. Романовской «Удалить эту запись?» (2016), представляющая собой сетевой дневник тринадцатилетней Веры, позволяет юному читателю стать свидетелем процесса психологического взросления – непосредственно увидеть внутреннюю жизнь ровесника, способы и формы его мышления, «диалектику души». «Двойная» повествовательная техника своеобразного «ретроспективного» прочтения в повести Ю Вяземского «Шут» (1982) репрезентирует героя и рассказчика как одно лицо в разных временных проекциях: сложность авторской задачи обусловлена, с одной стороны, единством миропонимания и отношения к жизни субъекта сознания и субъекта речи, с другой – радикальным различием их ценностных систем. Асинхронное повествование «работает» на психологический объем образа, который был утрачен в экранизации повести в связи с редукцией ретроспекций, внутренних монологов и выдержек из дневниковых записей при полном сохранении фабулы.

В параграфе **1.5 «Усложнение картины мира: от бинарности к метадоксе»** осмысливается феномен, отрефлексируемый нейрофизиологами, психологами, философами: движение растущего сознания от бинарной картины мира к тернарной. Смещение разноуровневых понятий бинарность (оппозиционная пара – тернарность) и метадокса (оппозиционная пара – парадокс) в контексте описания отроческой картины мира, фундированной определенными состояниями тела, души и духа является смыслообразующим: мышление подростка эволюционирует от бинарного позиционирования реальности к сложному объемному видению устройства мира по метадоксе.

Во **второй главе «Метасюжет инициации и его паттерны в прозе для подростков»** рассматриваются особенности художественной репрезентации сюжета инициации на материале современной отечественной прозы. Постулируется аксиологическое и структурообразующее значение этапов инициационного комплекса как инвариантной сюжетной модели, что позволяет говорить о ее статусе метасюжета в прозе для подростков. Сравнительно-типологический метод исследования с учетом мифологического и культурологического контекста позволяет уточнить онтологическую схему инициационного мифа, определить специфику экзистенциальных испытаний, «собирающих» субъекта повествования на новом уровне осознания реальности, выявить аксиологические интенции авторов.

В параграфе **2.1 «Рудиментарные формы обряда инициации в десакрализованном современном варианте»** обозначены особенности инициационных практик в современном обществе потребления. Редукция стадии

¹ Гиренок Ф. И. Указ. соч. С. 213–214.

инициации сказывается в снижении «градуса» трансцендентного в современных подростках, утрате неких форм бесстрашия как готовности к ударам судьбы, выбор конформной позиции. Дети, выросшие в условиях доминирования ценностей общества потребления, сильно изменились по сравнению с их советскими сверстниками, – их подростковый экзистенциальный запрос невысок: известность и гипердостаток. Детские писатели словно компенсируют эту ущербность, выстраивая сюжеты инициации, максимально приближенные к архаичным, возвращая юного читателя из виртуальной реальности в природную: первая охота («Ворон» Е. Рудашевского), экспедиция на север, к берегам Баренцева моря («В поисках мальчишеского бога» Д. Ищенко), реальная борьба с хтонической сущностью («Убыр» Ш. Идиатуллина). Литература, обращаясь к эмоционально-чувственной сфере, позволяет приобрести опыт, который не был пережит в реальной жизни. Так как ситуации инициации ныне фактически упразднены в результате предельного смягчения условий взросления человека, а основа человеческой психики меняется значительно медленнее культурного окружения и требует их, литература компенсирует данный функциональный недостаток.

Инициация – условие развития личности в подростковом возрасте, проявляющее самость и определяющее ценностные векторы взросления. В параграфе **2.2 «Лиминальный сюжет как типологическая особенность отроческой прозы»** аргументируется теза о том, что сюжет инициации для подростковой прозы является метасюжетом, поскольку отвечает экзистенциальному состоянию и главного героя, и читателя – состоянию кризиса, перехода, лиминальной стадии жизни. Семиозис инициационного комплекса составляет «арматуру» сюжета практически каждого текста подростковой литературы – «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» Р. Фраермана, «Гонение на рыжих» Ю. Яковлева, «Чучело» В. Железникова, «Ночь перед выпуском» В. Тендрякова, трилогия «Паруса Эспады» В. Крапивина – этот список можно продолжать десятками имен и названий. Объединяет эти тексты в первую очередь инициационный «след» – пороговая ситуация, разделяющая мир детей и подростков. Инициация сдвигает «точку сборки» субъекта в четырех типологически устойчивых сюжетных эпизодах: «обособление» (от типового «базового» психологического уединения подростка до физического длительного экстремального пребывания в одиночестве); «испытания» (от архаических физических испытаний голодом, темнотой, болью, ужасом неведения до современных психических эквивалентов изгойства, травли, предательства); собственно «лиминальная» – «символическая смерть» (фиксирующая ситуацию «порога»: необходимости нравственного выбора, обнажающего ценностное ядро формирующейся личности); «преображение» (обретение состояния гармонии с собой, миром и близкими на новом уровне личностного осознания маркирует «второе рождение»). Жанры большой формы (роман) разворачивают целостный сюжет инициации, содержащий все стадии процесса, средние и малые жанры (повесть, рассказ) фиксируют отдельные элементы сюжета инициации: обособление, встреча, испытание, выбор, поступок, преобразование.

В параграфе **2.3 «Аксиология сюжета инициации»** анализируются формы актуализации и функционирования инициации в качестве сюжетной «матрицы» современной прозы для подростков в ценностно-смысловом контексте. Научная новизна этого раздела работы состоит в определении аксиологического содержания сюжета инициации, связанного с психологическими механизмами преобразования личности в обрядах посвящения и перехода, ведущими к преобразованию внутреннего мира личности, к достижению смыслового соответствия сознания и бытия – это процесс интенсивного переживания, своеобразная альтернатива психологической защиты. Концентрированное переживание не ограждает субъекта от негативных травмирующих обстоятельств, но и не обрушивает в слепоту аффекта, позволяя работать с новыми эмоциями и смыслами. Испытания героя становятся инструментом, регулирующим действие переживания. Доступ к сакральной памяти закрыт для равнодушных: новое знание нужно пережить на телесно-ментальном уровне, всем своим существом. Сакральные знания входят во внутренний мир подростка, преобразовывая его как личность – только так они сработают, не забудутся, не превратятся в информационный шум. В связи с этим передача сакральных знаний является центральным моментом инициационного посвящения, важным не только для подростка, но и для общества, в которое он должен войти в новом социальном статусе. В целом механизмы инициации – это действенный способ подключения молодого поколения к исторической культурной памяти. Главная цель испытаний – приобщение неофитов к определенным ценностям общества, коллектива, размыкание прежних индивидуальных границ и собирание их на новом уровне.

В параграфе **2.4 «Проблема нравственного выбора: герой как субъект и осознание “свободы-для”»** рассматривается видение философами и психологами специфики художественного текста, который в рамках обозначенной проблемы становится своеобразным средством познания психологического феномена. В прозе для подростков сюжет инициации развернут исключительно компактно и репрезентирует аксиологически значимый поступок, который становится событием, кардинально изменяет мировоззрение персонажа, возрождая его в новом статусе. Герой такого сюжета, наряду с фольклорными собратьями по семиозису, мыслится как «агент нравственного выбора».

В пункте 2.4.1 **«“Желание” и “воля”»: художественная репрезентация диалектики “хочу” и “надо” в прозе для младших подростков»** анализируются рассказы для младшего и среднего школьного возраста, объединенные темой нравственного выбора и составившие сборник «Поступок» (1987). Рассказ является максимально органичной формой разговора с читателем-ребенком об этических вопросах, поскольку сюжетно повторяет структуру процесса нравственного выбора: от осознания себя в проблемной ситуации, выбора возможных вариантов поведения и их оценки до принятия решения (совершения поступка). В центре такого рассказа либо один герой, либо пара, объединенная по принципу антагонистов (герои, в одной и той же ситуации совершающие верный и

неверный нравственный выбор), alter ego (тогда нравственное развитие осуществляется через самораскрытие личности), я и Другой (герой ребенок и значимый взрослый в качестве морального ориентира). Нравственный выбор, который совершают герои, осуществляется в поле диалектического противостояния эмоционального (желания) и рационального (воли), поскольку ребенок (и герой, и читатель) в силу возраста стоит близко к границе непосредственного, природного бытия и только начинает движение в сторону взрослости, осознанности: подросток обретает нравственное измерение через совершение осознанного волевого усилия. Требование художественной дидактики обуславливает форму представления материала: составители сборника превращают его в своеобразный задачник, как бы овеществляя метафору «школа жизни». «Онтология чтения» предполагает «схватывание» «цельных интегралов опыта», художественно репрезентированных в сюжете: непосредственный эмпирический опыт здесь заменяется эстетическим.

В пункте 2.4.2 «Самопожертвование как поступок» рассматривается аксиологическое содержание феномена жертвы, значимой универсалии культуры, в контексте реализации сюжета инициации в детской и юношеской литературе. Готовность к самопожертвованию как мировоззренческий ценностный приоритет героя, художественно репрезентированный в фольклоре и детской литературе, анализируется в аспекте национального культурного кода. В прозе для подростков идея жертвы «масштабируется» в соответствии с жанрово-тематической и стилистической спецификой текста, но отнюдь не теряет своей онтологической глубины в ситуации инициационного выбора. Отступничество, трусость или предательство в ситуации выбора грозят герою-подростку социальной изоляцией, метафизической гибелью (Димка Сомов («Чучело» В. Железникова), мучительной покаянной рефлексией (Горелов «Сочинение» В. Якименко). Жертвенное отстаивание идеалов «перед всем миром» – доминантная черта национального культурного кода. Как аксиологический элемент художественной архитектоники выбор жертвы становится интегративным ядром сюжета инициации. Привычная бинарная оппозиция детское / взрослое (возрастной аспект) в контексте художественной аксиологии приобретает принципиально иной смысловой ракурс: детское (невинное) противопоставляется взрослому (греховному). «Обыкновенный взрослый» (в мировосприятии подростка – «пошлый обыватель») в горизонтالي повседневности «сдвигает» семантику жертвенного начала к ветхозаветному «юридическому» полюсу Закона, для подростка же в момент экзистенциального выбора жертва осмысливается в «новозаветном» духовном аспекте дружбы как формы любви и движения к полюсу Благодати. Ценностно-онтологический подход позволяет сделать выводы о значимости и неразрывной связи этических приоритетов в контексте отечественной аксиологической парадигмы: самопожертвование мыслится как основа соборного товарищества и братства.

Подростковый возраст осознается как самая болезненная стадия социального «метемпсихоза», взросление – как время испытаний, формирующих генезис индивидуальной воли. Если формирование собственной воли запаздывает, подросток часто попадает под влияние авторитета «коллективного авторитарного

субъекта» – компании. Компания интуитивно осознается как стая – «коллективное тело» – особое существо, несущее в себе немотивированную агрессию. Эта агрессия, сконцентрированная на одном из сверстников, «выпадающем» из коллектива по тем или иным причинам, делает его жертвой, обрекая на участь изгоя. Острый конфликт рефлексующего героя-изгоя и коллектива-«стаи», в которой все вовлечены в борьбу за высокое место в иерархии, – такова диспозиция сил в ситуации «травли», объединяющей сюжеты повестей «Чучело» В. Железникова, «Сочинение» В. Якименко и романа «Дом, в котором...» М. Петросян.

В параграфе **2.5 «Травля: нейрофизиология поведения и специфика конфликта»** рассматриваются биологические и социокультурные аспекты феномена «травли» в детском коллективе, анализируются модели поведения, типы модусов сознаний и ценностные приоритеты и героя-«аутсайдера», «жертвы», и лидера, «вожака» «стаи», художественно репрезентированные в прозе для подростков. Методика контекстуального анализа позволяет скорректировать понимание механизмов поведения подростка в ситуациях острого конфликта с точки зрения современной психологии и нейрофизиологии, а методологический инструментарий филологического анализа текста обеспечивает интерпретацию позиции автора в решении проблемы.

В параграфе **2.6 «Предательство: символическая смерть и “пересборка” субъекта»** анализируются особенности художественной репрезентации феномена предательства. В психологических повестях «Чучело» В. Железникова (1981), «Сочинение» В. Якименко (1981), «Не предавай меня!» Т. Михеевой (2012) сюжетная ситуация предательства провоцирует острый конфликт и «запускает» механизм переоценки ценностей главного героя в режиме интенсивного проживания (хронотоп катастрофы) и обостренной мучительной рефлексии. В пространстве подростковой прозы предательство – одно из самых серьезных экзистенциальных испытаний для героя: глубина эмоционального потрясения (погружение в психологический хаос, испытание изоляцией, молчанием) и масштабность ценностных изменений (возрождение/взросление или депрессивная интериоризация / отчуждение) представляют феномен как инициационное испытание (символическая смерть и возрождение в новом статусе).

В третьей главе диссертационной работы **«Между эго и стереотипом: “взрослые” и их ценностный выбор в семье и школе»** мир духовно ущербных взрослых в прозе для подростков описывается в стилистике «остановленного гротеска» (А. Зверев), воссоздающего частный момент бытия, изъятого из «поточка становления», и исследуется в аспекте ценностных оснований позитивного и негативного полюсов авторитарного модуса ментальности. Для «романтического» сознания подростка диссонантны ритуализация и абсолютизация относительного, характерные для взрослых, носителей негативной авторитарности (зацикленные на материальном, стереотипно мыслящие родители, работники школы, чиновники в прозе В. Крапивина, В. Железникова, М. Петросян, ставшие «мертвыми душами» в «оковах взрослости»). В терминологии М. М. Бахтина, взгляд взрослого – «опредмечивающий», загоняющий в один из шаблонов, существующих в ролевых «наборах» семьи и школы. В то время как ребенок –

сознательно или бессознательно протестует против маркировок, убивающих не столько его «инклюзивную» индивидуальность, сколько человеческую самость. Внутренний конфликт подростка с механистическим взглядом взрослых определяет художественную структуру повести «Ожидание друга, или Признания подростка» Л. Нечаева.

Ценностные ориентации большинства современных нуклеарных семей – «ядерной ячейки», включающей только родителей и ребенка, – базируются на идеологии индивидуализма, основной аксиологический постулат которой – свобода каждого из супругов. Соответственно, главные интересы родителей лежат за пределами брака: построение успешной карьеры, социальное признание, финансовое благополучие, творческая самореализация, разнообразный досуг. При распаде такой семьи, в отсутствии «спасительных» дедушек и бабушек, дети оказываются на «ничейной» территории непонимания и одиночества: цена свободы взрослых – катастрофическая отчужденность детей.

В параграфе **3.1 «Патологии личной “свободы-от”»: эго-сознание и разрушение семьи»** исследуются особенности конфликта поколений, проблематика «мысли семейной» на материале прозы для подростков 1980–2010-х гг. («Тринадцатый год жизни» С. Иванова, «Абориген» Ю. Иванова, «Полоса отчуждения» Е. Мурашевой и другие). Аксиологический подход позволяет сделать выводы о том, что область авторских художественных решений связана с традиционными для отечественной культуры ценностями – преодолением эгоизма, желанием услышать и понять другого, нестяжанием, терпением. Может показаться, что высказанные формулы созидания диалогических отношений не обладают новизной, но зато они вневременно актуальны: выстроить счастливую жизнь конкретного ребенка без понимания этих простых истин – невозможно во все времена.

В параграфе **3.2 «“Криэйторы” детской травмы: “разорванная” идентичность и художественная дидактика “травмы-как-сюжета” в повести “Три твоих имени” Д. Сабитовой»** исследуются способы художественной репрезентации формирования и функционирования детской травмы в современной прозе для подростков. В трех частях повести развернуты возможные варианты развития судьбы главной героини. Ритка, Марго и Гошка – имена, связанные с определенными этапами непростой жизни девочки: грубое отношение родной неблагополучной семьи, испытание детским домом и предательство приемных родителей. Новое имя – «маркер» возможности начать жизнь заново. «Три твоих имени» – повесть о том, как выбор и поступки взрослых определяют качество сознания и судьбу ребенка, буквально «прописывая» сценарий его жизни в альтернативных сюжетных линиях. «Триггерное» событие проанализировано как сюжетный и ценностный центр текста, определяющий функционирование других уровней его структуры, а также читательскую рецепцию. Теоретическая значимость этого эпизода исследования состоит в выявлении специфики изображения психологической травмы в современной отечественной прозе для подростков, механизмов ее реализации в

художественном тексте, а также в интегративном подходе к анализу художественного произведения, совмещающем литературоведческие и социокультурные аспекты в контексте специфики возрастной психологии.

В параграфе **3.3 «Авторитарное сознание: ценностные векторы в прозе для подростков»** в ценностном аспекте анализируется пошлость как отсутствие индивидуальности – доминантное качество «неправильных» взрослых в художественном мире Ю. Яковлева, В. Крапивина, М. Петросян и других авторов: усредненному мировоззрению, системе ценностей, стилю жизни свойственны ограниченность взгляда, эгоистичность, серость. Один из основных атрибутов такого способа существования – скука. Взрослых «неправильных» героев характеризует также языковая пошлость – они изъясняются языковыми клише, общими местами, уверены, что этого абсолютно достаточно, самодовольны. Пошлости языка соответствует пошлость быта (быт – развернутое в пространстве и времени высказывание): их интерьер, одежда, жесты – клише. Для таких взрослых характерно авторитарное требование подчинения, основанного на силе и страхе; любой коллектив в их представлении имеет ярко выраженную иерархию. Разномастные чиновники-функционеры, носители негативного варианта авторитарного модуса сознания (его маркеры – нерефлексивность, конфликтность, линейное, шаблонизированное мышление, закрывающее возможности интуитивных прозрений и постижения правды Другого) являются постоянными «сюжетными» противниками и «аксиологическими» антагонистами персонажей, обладающих конвергентной конфигурацией сознания.

В пункте 3.3.1 **«Ментальные основания “репрессивной” педагогики»** рассматривается, как доминантные качества авторитарного сознания расщепляются по бинарному принципу на «солнечные» и «теньевые»: чувство собственного достоинства мутирует в чувство собственной важности, ответственность превращается в жажду самоутверждения и власти. Авторитарное сознание в его репрессивной версии перекладывает личную ответственность на общепринятый «моральный» закон. Носители этого типа сознания демонстрируют ревностное, но формальное (и в итоге – лицемерное) служение букве морального закона, игнорирующее дух этого закона и даже попускающее прямое зло – в облике подчеркнутой праведности. Такое морализаторство «спонсируется» тщеславием и оборачивается деспотизмом. Авторитарно-репрессивные чиновники и педагоги, художественно репрезентированные в произведениях В. Тендрякова, А. Алексина, А. Лиханова, В. Крапивина и других советских писателей, поднимающих проблемы «негативной педагогики», во все времена – сателлиты нормативной этики, их действия обусловлены мертвенным моральным формализмом, очевидной нравственной ригидностью, слепой и жестокой, что особенно диссонантно мировосприятию подростка. Для педагогов-конвергентов, обладателей диалогического сознания, характерно понимание нравственного закона как задачи, требующей «усилия во времени», внутренней траты себя для решения в каждой ситуации, необходимости сложного поиска при неразрешимых коллизиях субстанционального конфликта.

В пункте 3.3.2 «**Авторитарное сознание в аксиологической перспективе сюжета “испытания любовью” в повести “Вам и не снилось” Г. Щербаковой**» ценностно-онтологический подход позволяет уточнить параметры аксиосферы «мы-сознания». Внешний сюжет (любовь школьных Ромео и Джульетты) является катализатором, проявляющим ценностную основу каждого из героев. Семейные кланы представлены образами двух мам, обладательниц авторитарного сознания, социально-ролевая, возрастная паритетность подчеркивают разницу ценностных приоритетов. Авторская задача не только по-шекспировски примирить две семьи, но и показать читателю тайный генезис габитуса двух героинь: повесть разворачивает скрытый детерминизм, внутренние причины, обуславливающие внешние проявления и материализующиеся в образах, ценностную «арматуру», экспонирование и развертывание ценностного «зерна» личности по принципу музыкального «зерноразвертывания». Зеркальная симметрия композиции повести позволяет увидеть разницу этических потенциалов двух обладательниц авторитарного сознания. Для Веры, матери Ромки, характерны холодный властный мстительный расчет, абсолютная уверенность в своей правоте, ложь «во спасение», слепая вера в свою высокую миссию и непогрешимость, поиск самого высокого алтаря, чтобы принести себя в жертву – проявление гордыни, и власть негативной версии «мы-сознания», неслучайно Вера встраивается в родовую систему ценностей: непробиваемый наследственный оптимизм бабушки, матери рода, демонстрируется в кульминационной точке повести. Мама Юльки, Людмила, также обладатель авторитарного сознания, также служит роду, семье, но эти ценности не нарушают провиденциального порядка. Для нее важно, что «скажут люди», немалая энергия тратится героиней на поддержание высокого статуса женской привлекательности. Но суть человека проявляется в испытании. Не женское самолюбивое эго, соревнующееся, кто более активен и продуктивен в своей жертвенности, движет Людмилой. Здесь Шекспир встречается с Пушкиным: история любви двух подростков оказывается сюжетным «зеркальцем», раскрывающим внутреннюю тайну красоты. Мама Людмила – «царевна все ж милее» – кроткая душой, может преодолеть свой эгоизм, поэтому ее любят: Костя, отец Ромки, выбирает между двумя красивыми девушками именно Людмилу, интуитивно угадывая, что за ней защита и сохранение живой жизни, предчувствуя, что за Верой – мертвечина самоутверждения. Как гений и злодейство – две вещи несовместные, так и красота и злодейство несовместимы: в этой точке расходится внешняя привлекательность двух молодых мам: наличие / отсутствие красоты объясняется нравственным выбором героинь.

Параграф 3.4 «**Выход из ценностной родовой матрицы: литературная исповедь как сюжет самопознания души подростка в повести “Ожидание друга, или признания подростка” Л. Нечаева**» посвящен исследованию жанра литературной исповеди как художественной формы, наиболее отвечающей авторской художественной задаче – представлению типа мышления подростка «диалогического» модуса сознания. В первой главе настоящего исследования отмечалось, что одна из устойчивых стилевых тенденций прозы для подростков – обращение к формам организации повествования от «лица лирического героя»,

дневниковым записям или исповеди. Повесть Л. Нечаева, репрезентирующая сложный механизм движения мысли подростка, кристаллизации системы ценностей с точки зрения познающего субъекта, – своеобразная контаминация этих жанровых форм: исповедь «по мотивам» школьных дневниковых записей героя. Аналитика психологических состояний и логики мысли героя в разных ситуациях позволяет проследить формирование аксиосферы подростка, доминанта которой – сокровенное в человеке, та внутренняя «суть», которая открывается или другому (в непосредственном общении, в прямом диалоге), или жаждущему понять другого внимательному взгляду («внимание» – категория и инструмент «внутреннего делания»). «Думание» о том, каков потаенный смысл человека рядом с ним, становится главным «внутренним делом» героя. Его размышления о поисках одноклассниками ролей для обретения социальной идентичности составляют портретную галерею приятелей и знакомых подростка с точки зрения становления личности. В исповедальном жанре позиции «автора», осуществляющего «событие рассказывания», и «героя», чьи душевные переживания, нравственные поиски и поступки составляют основу сюжета, разделяют две границы – временная и ценностная. Временную границу определяет ретроспективная специфика исповедального жанра: герой повествует о себе как о «другом», вспоминая, переживая школьные годы как испытание на человечность. Аксиологическая граница определяется художественным описанием становления системы ценностей подростка и инициационным «экзаменом»: в ситуации экзистенциально важного выбора герой совершает решительный поступок (побег из дома как эскапистский «эрзац» суицида), но остается в полюсе ценностей конвергентного сознания – диалог со своими «чужими» родителями не только не обрывается, но выходит на новый ранее невозможный уровень общения онтологически равных личностей.

В параграфе 3.5 **«Понять Другого: сознание подростка-аутиста как задача судьбы и как художественно-“нарративный” ребус в повести “Моя Аника” А. Зайцевой»** анализируются особенности эстетической манифестации мироощущения подростка-аутиста в современной отечественной прозе для подростков. Обращение к повествовательной форме внутреннего монолога позволяет автору представить «жизнь сознания» аутиста во всей ее сложности, с максимальным приближением к особенностям аутистического мировосприятия (восприятие мира сплошным потоком информации, проблема дешифровки чужих эмоций). Задача данного эпизода работы состоит в аналитике способов психологической интроспекции «герметичного» сознания героя-аутиста в художественном тексте и выявлении художественных форм репрезентации сложного типа сознания, обладателем которого является подросток-аутист, главный герой, рассказчик-повествователь и субъект речи. Сюжетно-композиционные и психологические функции повествовательных форм внутренней речи и потока сознания позволяют смоделировать картину мира с точки зрения подростка, обладающего специфическими особенностями мировосприятия, и таким образом транслировать ее читателю.

Четвертая глава диссертационной работы **«Аксиологемы диалогического сознания в прозе для подростков»** посвящена исследованию ценностно-

смысловых интенций конвергентного сознания, художественно репрезентированного в современной отечественной прозе для подростков. Для носителей конвергентного сознания планы Провидения проступают во всем – от рисунка судьбы человека до рисунка судьбы Родины: они совпадают, как бы вложенные друг в друга. Латинское «convergo» («сближаю») коррелирует с толстовским «сопрягать надо». Отсюда в сюжете интеллектуальные поиски единства мира во всех сферах бытия, с которыми соприкасается герой. На сюжетном уровне диалогические ценности «ты-сознания» определяют нормы поведения человека в мире, его представление о наиболее правильном способе участия в тех или иных событиях и совершаемых поступках. На ценностном уровне герой конвергентного сознания взаимодействует со своей совестью, производит внутреннюю работу, оставаясь неуязвимым для ловушек психоэмоционального уровня (страсти) или уровня ментального (вирусные идеи). Свобода для носителей диалогического сознания – это свобода для творчества, понятого «этически»: не все люди одарены творческим даром в искусстве или науке, но каждый человек может достигнуть «этической гениальности» (Ф. И. Гиренок). В связи с тем, что конвергентное сознание включает в себя все модусы ментальных состояний в «снятом» виде, «оптика» иных типов ментальностей – роевой, авторитарной, дивергентной – внятна носителю диалогического сознания. Так, мифологические проявления «ты»-сознания вписывают его носителя в традицию природной естественной жизни, которая исповедует некий духовный аскетизм, предпочитая бытие – рефлексии над бытием, реальность – слову (авторскому метаслову), единение с миром – анализу, расчленению, дроблению мира.

В параграфе **4.1 «Конвергентное сознание в контексте синергической антропологии»** формулируются аксиологические ориентиры конвергентного сознания в контексте научных поисков синергической антропологии С. Хоружего, базирующейся на парадигмах размыкания горизонта бытия человека к «личному бытию-общению», и гуманистической трансперсональной психологии позднего А. Маслоу, разрабатывающего теорию трансцендирующей личности. Аксиологический подход обеспечивает аналитическое описание типа модуса ментальности инвариантной группы персонажей, художественно репрезентированных в избранных текстах В. Крапивина, М. Петросян, Э. Веркина. Ощущение единства мира для главных героев романа «Дом, в котором...» осознается как первоисточник бытия. Друзья из «Четвертой» воспринимают мироздание как осмысленное пространство, ощущают многообразные явления мира прежде всего как явления смысловые, в основе которых – решение этической задачи «на любовь». Для Слепого, Сфинкса, Табаки «случайности не случайны» – все наполнено смыслом: именно на глубинном онтологическом уровне расщепленный мир оказывается цельным, именно на этом уровне оторгнутые друг от друга по внешним, рационалистическим признакам явления бытия оказываются едиными, нераздельными, говорят об одном и том же. Для героев романа естественно выявлять затушеванные рациональной мыслью связи между элементами бытия. Поскольку роман «Дом, в котором...» реалистический в «достоевском», «высшем смысле этого слова», его главные герои – «пневматики». Иррационализм мировидения друзей возводит все многообразие сущего к некой пронизывающей

весь мир и скрепляющей его праоснове. Доминируя над индивидуальным, но не растворяя его, именно дружба соединяет в единое целое личность каждого из главных героев романа. Такова реализация соборного принципа нераздельности и неслиянности в человеческом измерении: все опции других типов сознаний (от роевой нераздельности через авторитарную ролевую иерархию и дивергентную неслиянность) складываются в конвергентное миропонимание.

На уровне сюжета избранных текстов В. Крапивина, М. Петросян и Э. Веркина перед читателем – изображение жизни подростков в проблемной ситуации неизбежного выбора («Дом, в котором...»), войны («Облачный полк»), борьбы за выживание морской парусной школы («Рыжее знамя упрямота»). Аксиологическая суть каждого из упоминаемых произведений – преодоление небратского состояния: жизнь героев, выстраивающих свое бытие как спасение друзей, спасение через Другого. Сказанное авторами текстов становится реальностью «в высшем смысле этого слова» – не реальной действительностью, но реальностью нравственной действительности.

Параграф 4.2 «Другой как Друг: этос ответственности в романе “Дом, в котором...” М. Петросян» посвящен исследованию ментальных интенций, художественно репрезентированных в избранном тексте. Выделяются и описываются группы персонажей, объединенные по доминантному типу сознания – авторитарного или конвергентного. Специфика ментальных типов существенно дополняется и корректируется в контексте современных нейрофизиологических исследований («вторичное» и «третичное» сознание). Подростки, герои романа, формируют стратегии проживания в зависимости от уровня сознания, определяющего ценностную «арматуру» мировоззрения. Утрата Дома осознается его жителями в эсхатологической перспективе: возникает острое ощущение «крушения» мира. Прежде они были включены в целостный мир близких людей (все воспитанники Дома уравниваются в своей соматической ущербности), который обеспечивал им достаточно комфортное существование. Отделение от коллектива заставляет мучительно прорезаться субъектные качества, художественно репрезентируя социально-психологическое событие взросления. И реальное, и экзистенциальное сиротство главными героями преодолевается очень по-пушкински – дружбой. Для обладателя конвергентного сознания деструктивные события не становятся травмой – они осознаются как трансцендентные путеводные «вешки», подталкивающие к открытию Другого, который в психической реальности диалогического сознания мыслится как Друг. Обитатели Четвертой рождаются как личности, в бытийном качестве – выходят за собственные пределы, меняют парадигму бытия, совершают трансцендентальный переход. Когда в мучительном ожидании последнего выпуска мир Дома в своих стабильных координатах разрушается, главные герои, каждый из которых «стал Человеком», носителем конвергентного диалогического сознания, с доминантой совести и справедливости, реализуемых при содействии воли, принимают ответственность за всех его обитателей и начинают создавать Дом заново. Для главных героев романа ощущение родства локализуется не в пространстве (география) и не во времени (история), а в ситуации встречи с

Другим: подлинным Домом становится место встречи на новом круге физического воплощения и проживания.

В заглавии параграфа **4.3 «“Интуиция совести”»: бытие как служение в трилогии “Паруса Эспады” В. Крапивина»** использовано метафорическое выражение В. В. Ухтомского, которое конспективно отражает «инструмент считывания» реальности носителями конвергентного сознания и способ их жизнестроительства. В параграфе рассматривается инвариантный «сюжетообразующий» конфликт, объединяющий романы «Мальчик со шпагой», «Бронзовый мальчик» и «Рыжее знамя упрямства» В. Крапивина, в контексте ценностных оппозиций, определяющих структуру системы персонажей. Полагаем, специфика конфликта определяется не столько принадлежностью к возрастной категории «ребенок / взрослый», сколько ценностными ориентирами: как среди детей и подростков есть явные авторитарные «функционеры», так и среди взрослых в трилогии обязательно встречаются «Дон Кихоты с портфелями», яркие представители конвергентного сознания – руководители «Эспады», журналисты, учителя – «старшие» товарищи «крапивинских мальчишек». В контексте авторской аксиологии «живая» педагогика противопоставляется «механистической». В клубе – фехтовальном («Мальчик со шпагой») или парусном («Бронзовый мальчик», «Рыжее знамя упрямства») – жизнь ребят подчиняется строгим правилам Устава, но неверно думать, будто дисциплина ограничивает их свободу: подлинная свобода – это не «свобода-от», но «свобода-для». Устройство жизни в отряде – воспитание общением, сотрудничеством и сотворчеством. Общение – установление языка для диалога, и это не язык команд и послушания – это язык доверия, который может достучаться до души. Подлинное воспитание – в личностной сути руководителей «Эспады», в их отношении к ребятам, в их аксиологической парадигме, резонирующей с ценностной системой воспитанников и имеющей с ней общее нравственно-этическое ядро. Каждое слово, интонация, жест, поступок лидера «парусного братства» отражает его убеждения, жизненную позицию, отсутствие двойных стандартов: «для жизни» и «для работы». Именно руководители кружков претворяют в жизнь истинное значение слова «воспитывать» – управлять, учить и общаться. Свет фонарика «бронзового мальчика» для «крапивинских мальчишек» стал метафорическим определением-маркером «своих». Все главные идеи трех романов сходятся в последнем томе трилогии, романе «Рыжее знамя упрямства», в котором по ходу сюжетной интриги собираются капитаны прошлых лет и обсуждают с мальчишками, центральными персонажами последнего романа, новый источник энергии, который изменит мир. Постичь и удержать этот новый мир в солнечном поле ноосферы смогут только те, «кто видит фонарик»: люди диалогического сознания, способные выйти за пределы рационального пребывания в мире, потребительских стратегий, «фонового» существования и построить соборное «парусное» братство.

В параграфе **4.4 «Соборное бытие от первого лица: закон “заслуженного собеседника” в повести “Гонение на рыжих” Ю. Яковлева»** анализ текста, представляющего взросление главной героини в классическом сюжете инициации, позволяет уточнить аксиологические интенции «ты»-сознания.

Композиционный монтаж эпизодов – иноформа угловатости, внезапности, стремительности переходов сознания подростка, бытия на острие, на пределе, на натянутой проволоке без страховки (неслучайно в эмоциональном штопоре героиня будет балансировать на карнизе третьего этажа школы). Противостояние директора школы и учительницы показывает разницу аксиологических приоритетов авторитарного и конвергентного сознаний: директор мыслит о конкретном человеке здесь и сейчас, что всегда требует участия и саморастраты; учительница опирается на незыблемый безликий авторитарный стереотип, ее властная установка проста и должна быть формально реализована – «простая логика» авторитарного сознания. Негативное авторитарное сознание учительницы не знает диалогической формы общения – ее реплики-приказы монологичны, издевки, уничижительно задевающие «внутреннего человека». На этом фоне особенно остро ощущается спасительная диалогическая миссия директора, который рифмуется с героиней-подростком в зоне этоса ответственности, заботы о ближнем, не пафосной, тонкой, потаенной, настоящей, имя которой – любовь. Мотив первой любви – внутренний, скрытый катализатор сюжета – прорывается во внешний план изображения: встреча героев состоялась. Катарсис рождается из перебива читательского дыхания сопричастности живой жизни художественной реальности. Художественная дидактика повести – в авторском искусном сотворении средствами поэтики многомерного образа любви: сочувствие, участие, сострадание – эти понятия не абстракции в сюжете, они обрастают конкретным смыслом, плотью художественной реальности в маленьком шедевре советского классика, мастера подростковой прозы.

В параграфе **4.5 «Аксиология сложных форм времени: семантика фрактальной спирали в романе “Дом, в котором...” М. Петросян»** теоретически осмысливается модель времени, сюжетно реализованная в современном культовом романе для подростков. В качестве аналитического инструментария использованы научные разработки ученых, связанные с интеграцией термина «фрактал» в гуманитарную методологию. Особая темпоральность романа, проявленная семантикой финала и построенная по модели «спирали», противостоит линейной модели времени в истории. Подобная «формула» хронотопа делает такие понятия, как «прошлое» и «будущее», субъективными и относительными: вместо «стрелы времени» в распоряжении главных героев есть объем пространства-времени, где все уже «происходило-происходит-произошло» во всех возможных вариантах развития событий, и герои этического выбора переходят на новый круг бытия, получая возможность пройти испытания судьбы на ином уровне осознания, исправив ошибки. Композиция романа, организованная по принципу контрапункта разновременных сюжетных линий, художественно воплощает нелинейность повествования: в эпилоге романа читатель узнает о завершении части сюжетных линий, а линии, связанные с главными героями романа, обретают завязку на новом уровне, закольцовывая начало и конец романа по принципу фрактальных самоподобных кругов, обладающих общим центром, как бы вложенных один в другой по принципу «матрешки» и воплощающих динамику развертывания спирали. Для носителей диалогического сознания спираль пространства-времени – возможность для

жизнетворчества, материал для этической коррекции и «лепки» собственной судьбы. Эсхатологическая перспектива выстраивается в векторе искупления и спасения, и в катарсическом финале романа читателей окрыляет новая транскрипция чуда: замкнутый круг локального, «мифологического» времени Дома разворачивается в спираль – символ развития и изменения; герои выходят на новый уровень бытия.

Аналитика «события рассказывания» в романе «Дом, в котором...» М. Петросян, связанная с вопросами «кто видит?» (направляет фокальную перспективу) и «кто говорит?» (рассказывает об увиденном), приводит к постановке проблемы соотношения «повествования» и «композиции». В параграфе 4.6 «Сборка» и «распаковка» смыслов: **репрезентация конвергентного сознания и техника авторского письма в романе «Дом, в котором...» М. Петросян** исследуются способы организации повествовательного дискурса и авторской техники нарративной репрезентации героя-подростка в пространстве «большой формы». Методологический инструментарий нарратологии позволяет сделать выводы об особенностях субъектной организации романа, получившего статус культового в современной прозе для подростков. Сочетание прямого авторского повествования, несобственно-прямой речи (в ряде глав субъект речи не совпадает с носителем точки зрения) и речи персонажа-рассказчика (в некоторых главах функции рассказчика и фокализатора отданы персонажам) в двух сюжетных линиях, построенных по принципу контрапункта, можно обозначить термином «композиционный полифонизм». Особенность модели композиционного полифонизма, реализованной в романе, заключается в определенном статусе автора в прозе для подростков – носителя объективных ценностей бытия нерелятивной картины мира в этическом аспекте. Контрапункт субъективных точек зрения на одно событие в разновременных сюжетных линиях позволяет автору романа противопоставить уровни сознания героев и соответствующие им способы восприятия и создать стереоскопическую картину реальности, реализованную в перспективе моносубъектного повествования.

Пятая заключительная глава диссертационного исследования «**Национальный культурный код и ценностная позиция автора в литературе для подростков**» предполагает обращение к прошлому (историческая проза для подростков) и будущему (футурологические возможности фантастической литературы). В исследовании Изборского клуба С. Б. Переслегин формулирует понятие культурного кода: «Как и зачем (вместе) жить на этой территории и «Как и зачем (вместе) умирать на этой территории?»; к теме нашего исследования имеет отношение и сформулированный автором образовательный канон: «Чему, прежде всего, нужно учить, чтобы воспроизвести в следующем поколении культурный и когнитивный коды?»¹. Национальный культурный код держится на скрепах сакральной истории, поскольку «сакральная история соединяет историческое с ценностным»². Субкультура отрочества складывается в контексте «большой» доминирующей культуры – как реакция на нее, как ее отражение, что

¹ Переслегин С. Б. Цивилизации в людях и кодах // Русские коды / под ред. В. В. Аверьянова. М., 2022. С. 95–96.

² Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М., 2021. С. 153.

уже предполагает ее рефлексивную позицию, формирует свои варианты норм, моделей поведения, ценностей. Негативизация исторического прошлого для подростков, чье мировоззрение как раз дорастает до национальных вопросов, особенно разрушительна.

В параграфе 5.1 «Техника “управления прошлым”: “слом” культурного кода в прозе о «трудных периодах отечественной истории» исследуется, как переоценка ценностей в восприятии советского прошлого приобретает статус «ревизии эпистем» и в терминах политологов и социологов может быть оценена как действия, направленные на «слом» культурного кода. Для преодоления героического (в новой интерпретации – «мифологического») образа отечественной истории апологетам концепции «модернизации сознания» необходимо деконструировать сложившуюся «когнитивную матрицу», освободиться от задаваемых ею «стереотипов» и начать формировать иную версию исторических событий, структурированных в соответствии с определенным набором идеологием новой концепции национального прошлого, которая и будет инсталлироваться в сознание современных подростков.

В пункте 5.1.1 «Идеологическая стратегия и тактика на полигоне психоистории: “художественность” и “пределы достоверности” в новейшей прозе для подростков (2010-е – начало 2020-х гг.)» представлен проблемно-тематический абрис новой исторической прозы для подростков. В литературоведческом сопровождении учебников и аналитических работ новая историческая проза осмысливается как инструмент работы с национальным прошлым. В секторе «новейшей исторической прозы» доминирует тенденция «подробно описывать сталинские репрессии вместо “огульного патриотизма”» и изображать события Великой Отечественной войны «не столько героическими, сколько трагическими»¹. Литературоведы, изучая новую историческую прозу, появившуюся в 2010-е гг., отмечают «разнообразие подходов» к художественному решению темы репрессий, которое «свидетельствует об активном и сложном поиске языка, способного донести до детей трагическую реальность большого террора»². Полагаем, что подход, собственно, один: противопоставление советской литературы как вымышленной и рождающей «массовую мифологию» «литературе факта». Ценностные приоритеты авторов прозы о «сложных периодах отечественной истории» («Сталинский нос» Е. Ельчина, «Сахарный ребенок» и «Вальхен» О. Громовой, «Полынная елка» О. Колпаковой, «Дети ворона» Ю. Яковлевой) идеологически синхронизированы, сюжеты представляют собой кластер готовых повествовательных блоков и апробированных стилевых клише. Фактическое самоустранение автора, замена авторской позиции «голой камерой» передачи страданий привело к утрате героями новой исторической прозы художественной индивидуальности, повторяемости реакций, жесткой связанности обстоятельствами и видением жизни с ситуативной позиции повседневности. Видимо, целевая аудитория «новой исторической прозы» все же молодые родители, новые взрослые, кидалты, поскольку для подростков это – не литература. Перед

¹ Лану А., Херолд К., Бухина О. Указ. соч. С. 204.

² Иваницкая Е. Детские книги о репрессиях: часть вторая. URL: <http://vpereplete.org/2016/11/2-book-about-terrors/> (дата обращения: 03.11.2023)

нами – «формула», «стандарт», тиражируемая «модель» псевдолитературы «факта» – образец идеологической манипуляции на основе подмены смысловых платформ. В новой исторической прозе для подростков разворачивается репрессинг смыслов, связанных с советской историей, художественные тексты «работают» на разрушение матрицы исторического сознания и могут быть осмыслены как технологические инструменты «войн памяти».

Художественная слабость подобной литературы не позволяет рассчитывать на сколько-нибудь существенный успех у читателей-подростков, взывающих к подлинности; компенсируя данный недостаток, авторы облачают произведения в паратекстуальную «броню»: предисловия, комментарии и послесловия сопровождают каждый текст. В пункте 5.1.2 **«Паратекст как технология разрушения матрицы исторического сознания: функции комментариев и послесловия»** исследуется специфика представления «исторической правды» в пограничных элементах текстов, создающих контекстуальную рамку их восприятия и интерпретации. Суть смыслового «месседжа», общую для всех перечисленных текстов, можно компактно изложить в одном инвариантном послесловии: «Как это было на самом деле». Послесловия к текстам О. Громовой («Воспитание правдой. Разговор с растревоженными родителями», «Суровая пища для ума. Прямое обращение к молодому читателю») претендуют на «приватизацию» морали: морализаторство оказывается средством «нравственно-педагогической дрессуры» и «этической опеки»¹. Комментарии предлагают современному молодому читателю ревизию советской истории в оптике либеральной идеологии, которая в долгой перспективе предполагает смену эпистем.

В пункте 5.1.3 **«Формулы идеологической литературы: способы деконструкции советского прошлого в повести “Сахарный ребенок” О. Громовой»** наиболее известный текст данного автора, получивший множество наград и престижных премий в области детской литературы, переведенный на 12 языков, взят крупным планом: рассмотрены авторские приемы работы с «историческим» материалом. Анализ текста позволяет сделать выводы о том, как он «сделан». Организующим началом повести становится жесткое, черно-белое деление на «своих» и «советских». Линия добра и зла маркирована совершенно отчетливо: зло представлено советской «мертвечиной» (советское зомбированное «оно» не мыслит, разговаривает клише, лозунгами, перманентно цитирует вождя народов, распевает гимны и ненавистные советские песни, запрещает «порабощенным нациям» говорить на родном языке). Его «порождающий» эпицентр – монструозная власть, которая подавляет все живое: эта теза является семантическим инвариантом для любого уровня текста. Добро в повести – проявление «живой жизни» – художественно репрезентировано в мотивах игры, свободы, творчества и связывает все оппонирующее советскому. Повесть строится по принципу нанизывания однотипных эпизодов, изображающих противостояние живой жизни и советской мертвечины в разных декорациях как бы документального сюжета. Серой, но агрессивной массе советских зомби

¹ Соина О. С. Морализм и морализаторство в отечественной культурной традиции // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. III. Красноярск, 2020. С. 144–145.

противостоит маленькая героиня – «настоящий человек» дворянских корней, личностный фундамент которого сформирован глубокой культурой, определяющей весь спектр социальных отношений. В этом контексте повесть «Сахарный ребенок» позиционируется ревизионистами отечественного прошлого как история выживания личности в советской тоталитарной оккупации. Любой (буквально каждый) эпизод повести изоморфен в аксиологическом аспекте доминантным идеологемам авторов новейшей исторической прозы: советская власть подавляет живое на всех уровнях бытия, отчуждая человека от «физической» (репрессии) и «метафизической» (форматирование сознания через «захват» пропагандой) свободы. В повести работает технология семантической инверсии – все качества, которые демонстрировал герой советской детской литературы, оказываются возможны только в подполье: истинное уважение к традициям «малых» национальностей, настоящая дружба народов рождалась, по версии автора, исключительно как противостояние советскому лживому официозу. Таким образом, описанное в советской литературе интерпретируется теперь именно как «литература», «выдуманное», «миф», а вот теперь вы узнаете, «как было на самом деле». Текст и паратекст повести выстраивают жесткую бинарную оппозицию: читатель может выбрать либо сторону героя, его семьи, угнетенных национальностей, проявляющих подлинные человеческие качества, с которыми Бог, Пушкин, национальный эпос, дружеская поддержка, милосердие, сочувствие и т. д., либо сторону советской власти и присягнувших ей сателлитов. Суть советских обывателей сводится к зависти, слежке и доносам, власть предержавших – к проявлениям крайней жестокости, предельной бесчеловечности. Символика власти – постулируемые этические максимы, гимн – дискредитируются даже маленьким ребенком и не воспринимаются в категориях сакральности. Основные способы представления советской семиосферы – демонизация и гротеск. Через семантическую инверсию пристраивается культурная изоляция советской власти и тех, кто исповедовал ее ценности. «Государственник» становится синонимом «патриота» и дискредитирует это понятие. Герои повести не рождаются как характеры, «наращиваемое единство» (Л. Гинзбург) – они декларируются, а не живут: образы «изображают», «иллюстрируют», «символизируют» определенный комплекс идей автора, задача которого – формирование новой картины мира и новой идентичности, на пути к которым дискредитация образа СССР, советской власти и советского народа как оккупантов, разрушающих аутентичные национальные культуры, – важнейший этап.

Культурно-историческое, образовательное и воспитательное (системное и целенаправленное) воздействие на подростков, поражающее историческое сознание, провоцирующее поколенческий раскол, отчуждение молодежи от истории и культуры своей страны, поддерживается новой прозой о «сложных периодах отечественной истории», способствующей слому советской модели исторического сознания, в которой Великая Отечественная война – одна из главных скреп национального культурного кода, сакральный предел когнитивной матрицы. В связи с этим, предметом исследования в параграфе 5.2 «Проза для подростков о Великой Отечественной войне в контексте “войн

памяти»» стали способы переосмысления традиционного семиозиса: в произведениях, избранных для анализа, события разворачиваются непосредственно в период военных действий. Учитывая, какую значимую роль в аргументации новой исторической концепции прошлого играют «эго-документы», пункт 5.2.1 «Реванш ресентимента и легитимизация системы ценностей коллаборационизма: от “эго-документа” “В дни войны” Р. Нератовой до романа “Вальхен” О. Громовой» обращается к классическому «эго-документу» Р. Нератовой (Кошкиной-Кургановой¹) – художницы, продолжающей «прерванное революцией возрождение не только интереса к древней иконе, но и возрождение ее высокой религиозной устремленности»², опубликовавшей свой дневник, в котором изложены мытарства ее семьи в период Великой Отечественной войны. Дневник «В дни войны» – книга коллаборациониста. Автор дневника, молодая девушка, студентка медицинского университета, эвакуированная с семьей из блокадного Ленинграда на Кавказ, добровольно становится сотрудницей ставки Геббельса. Формула интертекстуальной работы, озвученная А. Жолковским, «а что, если прочитать текст А с текстом Б в руках?» дает весьма нетривиальный результат. Дневник «В дни войны» можно рассматривать в качестве прецедентного текста для прозы О. Громовой в аксиологическом аспекте: ценностные установки, вплоть до детальных совпадений в оценке советского, эстетические предпочтения, эмоциональный колорит, перспектива видения рассказчика, интонационный рисунок, сентиментальная вкусовщина в романе «Вальхен» О. Громовой и дневнике Р. Нератовой практически идентичны.

Главная героиня романа «Вальхен», пятнадцатилетняя Валентина, во время немецкой оккупации и германского плена постепенно открывает для себя не только ложь советского режима, но и его принципиальную близость нацистскому режиму, угнетающему жизни трудолюбивых, милосердных, глубоко образованных и культурных «простых» немцев. Авторское «задание» можно проиллюстрировать цитатой из романа: «мы еще не раз увидим, как понятия «друг», и «враг», «свой» и «чужой» перепутываются. А может быть, и соединяются»³. Для переосмысления этих понятий, таких очевидных в контексте аксиологической картины мира победителей в Великой Отечественной войне, и написана книга «Вальхен».

Сопоставление аксиологем, фундирующих ценностные позиции авторов романа «Вальхен» и дневника «В дни войны» позволяет ответить на вопрос, почему при тяготении к литературе факта, к неофициозной патриотической точке зрения, желании восстановить историческую справедливость, правду, подросткам предлагается не документальная литература, а беллетристика. В «эго-документе» четко артикулированы, обнажены истинные ценности идеологических оппонентов советской власти. У писателя есть пространство для

¹ Труды отца Р. Нератовой, профессора Курганова, стали основой для работ Солженицына и были неоднократно в исследованиях историков маркированы как фальсификация информации, претендующей на историческую достоверность.

² Нератова Р. И. В дни войны: Семейная хроника. СПб., 1996. С. 4.

³ Громова О. К. Вальхен. М., 2022. С. 123–124.

идеологического маневра – можно «опустить» или изменить «неудобные» эпизоды: беллетристика позволяет корректировать исторические факты в «ручном» режиме. Роман «Вальхен» легитимизирует в сознании современных школьников систему ценностей коллаборационистов в Великую Отечественную войну через постепенное сдвигание традиционной аксиологии по шкале градации «информационного предела». Эта технология «работает» следующим образом: герои повести Э. Веркина «Облачный полк» – подростки-партизаны, гибель героев осмыслена как жертва, созидающая жизнь в литургическом времени (этот уровень реальности не доступен для понимания ресентиментному сознанию и считается им плоско, как мифология советской официальной аксиологии); в романе «Вальхен» деятельность партизан проблематизируется и представляется как бессмысленная; в дневнике Нератовой партизаны – враги. Роман «Вальхен» – попытка через дискредитацию политической системы разрушить смысл Победы, «перезагрузить», переосмыслить ценности, фундирующие советского человека в период Великой Отечественной войны, с позиций идеологических оппонентов, сместить событие, дарующее «настоящую свободу» к августу 1991 года. Полагаем, что в отечественной истории на сегодняшний день нет запретных тем, но есть – сложные. Художественность в литературе – это отбор. Основание для отбора – ценностная позиция автора. Критерий художественной репрезентации сложных тем в детском и подростковом литературном сегменте – талант.

В пункте 5.2.2 «Сакральное и “большие смыслы истории”: историческое и литургическое время в повести “Облачный полк” Э. Веркина» анализируется семиозис заголовочно-финального комплекса: «заглавие (название картины) – пятая глава (эпизод встречи с художником) – эпилог (рассказ о картине и художнике)» образует смысловую вертикаль повести о подростках-партизанах Великой Отечественной войны, в основе сюжета которой – биография пионера-героя Лени Голикова. Эпизод встречи главного героя с художником-визионером, магическим реалистом, провидящем в подростке в историческом времени – пионера-героя, в литургическом – рядового бессмертного воинства защитников Отечества, становится ключевым, восстанавливающим родовую память, связь времен и единение русских воинов всех «фронтов» – от древних витязей до Юрия Гагарина. Важна связь чудаковатого живописца, эпизодического персонажа повести, и его прототипа – народного художника Ефима Честнякова, обладателя мифологического видения, работы которого хранят художественные традиции древнерусского искусства, свойственные русской иконе и фреске. Сюжетно-тематический комплекс живописи Честнякова строится на преобладании архетипических мотивов и образов, имеющих константные модели в художественной культуре разных периодов истории и репрезентированные в универсальных мифологемах рая и культурного героя. Исторические персонажи предстают как воплощение нравственных добродетелей, как герои, созидающие особый образный мир, определяемый сакральной национальной идеей. Созидательная задача, которую олицетворяют народные кумиры, реализуется в редком для наивного искусства жанре – портрете-картине, в котором функция портретного образа определяется сакральностью личности

изображенного персонажа. В картине «Облачный полк» национальные исторические герои воплощаются геральдически, в неразрывной связи с религиозной идеей, акцентирующей значение Божественного промысла в отечественной истории. Смысл борьбы и жертвы подростка-партизана, пионера-героя обнаруживает в своей основе христианскую тезу «смертию смерть поправ», символически воплощенную в образе небесного воинства на картине художника-визионера. Идея сакрализации героев, воплощенная в живописном полотне, сопоставляя бытовое, земное и бытийное, горнее, создает высокий стиль, становясь сюжетно-композиционной основой повествования. В свете конвергентной ценностной позиции автора повести история воспринимается не как кумулятивное хранилище знаний о минувшем, но как творческое раскрытие былого в режиме синергетического общения между настоящим и будущим. Для конвергентного сознания нет когнитивного диссонанса при совмещении, казалось бы, разнородных и разноуровневых фактов, сложно легитимизируемых в строгом научном дискурсе логики: ценностная вертикаль, определяющая единство национальной аксиологии в сознании художника, соединяет историческое время древней Руси, Российской империи и Советского Союза, конвергируя духовные постулаты в ядро русской цивилизационной идентичности.

Контроль и подчинение ментальной сферы «аксиологического противника» – технология управления человеком через формирование определенных навыков восприятия мира, «ментальная война», цель которой – переформатирование духовного пространства и общественного сознания, когда подросток не только утрачивает способность отстаивать свои ценности, но полностью ассимилирует чуждые и «фальшивые» установки, навязанные ему. В параграфе **5.3 «“Футуроцид” новой этики в прозе для подростков: фрагментация и банализация сознания как способы “управления будущим”»** речь идет о переходе от информационного к когнитивно-ментальному доминированию: именно ментальная сфера становится областью противостояния цивилизационных ценностей. Новая культурная и экзистенциальная ситуация требует обратить внимание на феномены, связанные с концепцией новой этики. Результатом оперирования смыслами (подмена, замещение, разрушение) становится подрыв, дискредитация и «перепрошивка» ценностных, морально-нравственных и религиозных основ общества.

Вопрос о человеке имеет статус «ключевого вопроса литературы» (Л. Гинзбург). Прозу братьев Стругацких можно рассматривать в рамках единого «метасюжета личности», который разворачивается между мыслью о смерти Бога, доминирующей в литературе последней трети XIX столетия, и мыслью о смерти человека, определяющей духовные поиски писателей XX века. В параграфе **5.4 «Прогностическая функция фантастики как литературы нравственного сопротивления: конфликт поколений, феномен наставничества и модель репрессивного будущего в повести “Гадкие лебеди” А. и Б. Стругацких»** исследуются условия формирования сознания молодых «вундеркиндов» и причины их коллективной дивергенции. Логика работы предполагает движение аналитики от генезиса подросткового сознания в повести, обусловленного мотивами распада дома и семьи, интенсивного взросления под влиянием

интеллектуального авторитета «мокрецов»-идеологов, к интерпретации смысла заглавия повести в интертекстуальном контексте. В данном эпизоде работы исследуются основополагающие принципы и внутренняя логика новой духовности «мокрецов»-интеллигентов. Притягательность идей мокрецов для младшего поколения объясняется преодолением «слишком человеческого» – растущей дезориентации мира «взрослых» «духоносцы»-идеологи противопоставляют мировоззрение, ориентированное на будущее и объединяющее в себе примат интеллекта, эстетику, духовную аскезу, отбрасывая этику как слабость и атавизм «старого» гуманизма. Экзистенциальная сторона мировосприятия подростков в повести проявляется как экстенсивное переживание нигилизма, основанного на отрицании базовых оснований социокультурного бытия взрослых, а духовная аскеза и интеллектуальное развитие без нравственно-этической доминанты приводит к личностной деформации. Воспитание духа подростков в имморальной перспективе оборачивается распадом души и гибелью Человека.

В параграфе **5.5 «Дерзание невозможного: зодчие нового человека»** обозначается роль художественной словесности в условиях стремительного изменения техносферы и отчетливого эпистемологического кризиса, когда неопределенность становится одной из базовых характеристик современности. В связи с этим опыты «традиции» (стабильного «старого») и «новации» (осознанного «нового») не способны отразить сложность и полноту современной картины мира для подрастающего поколения. Для восполнения эпистемологической лакуны требуется категория «инога», схватывающая смыслы за пределами существующего познания и понимания. Литература как искусство, основанное на целостности субъект-объектного единства («автор и герой в эстетической деятельности») «работает» именно с универсалиями, осознавая в художественной рефлексии «повторяемость неповторимого» и «универсальность уникального» в бытии человека. Талантливая литература позволяет увидеть «взросление» человека в нетривиальных аксиологических координатах

В **Заключении** подводятся итоги и обозначаются перспективы исследования.

Принципиальная смена ценностей отражает ответ представителей подрастающего поколения на вопрос «кем быть?». Разница между ответом советского подростка («космонавтом») и подростка рубежа XX–XXI вв. («олигархом») очевидна. Пояснять фундаментальную аксиологическую коррозию тезой «времена такие» допустимо лишь на уровне обыденного сознания. Специалист-«человековед» (филолог, психолог, социолог) понимает, что «качество» времен обусловлено комплексом факторов – социальных, научных, геополитических. Какие бы испытания ни проходила наша Держава, даже «обнуляясь» до основания, она «прорастает» заново от ценностного корня: национальные аксиологические доминанты обладают неизменным инвариантным этическим ядром, принимающим вариативные формы в различные периоды отечественной истории. Поэтому предатели – во все времена предатели, а герои – всегда герои. В кольчуге ли воин, в солдатской гимнастерке ли, в космическом скафандре – форму «доспехов» определяет технический прогресс, нравственная же задача едина во все

времена: не просто уметь различать добро и зло, но и делать личный нравственный выбор.

В сложных ситуациях, когда, казалось бы, нет однозначного решения, и читатель оказывается в аксиологически «серой» зоне, ответ рождается из целого онтологической реальности текста, основой которой является ценностная позиция автора, в силу своего таланта умеющего «разорвать» шаблон восприятия и дать понять подростку, что зло – предсказуемо, добро – парадоксально. В такой позиции всегда требуется сдвиг точки зрения, выход в контекст, позволяющий увидеть большее, расширение «знаниевого» кругозора – это то, чем владеет автор и чем он может через художественный текст поделиться с молодым читателем, взять «на крыло», чтобы подросток смог прочувствовать «иное», то, что не было в его опыте реальностью, но может ею стать.

Литературоведческая рефлексия, «сканируя» текст в ценностном аспекте, позволяет уточнить детали историко-культурной парадигмы и нюансы литературной техники. Глубокий психологизм в реалистическом изводе оказывает влияние на художественную практику, образность, работу со словом – в этом состоит, как представляется, специфика воплощения психологической константы в литературе для подростков последней трети XX в. Миметическая поэтика преобразуется в своеобразный синтез экспрессионистского и неомифологического методов, смешение стилевого, жанрового, пространственно-временного и семантико-ассоциативного монтажа с передачей деформации современной реальности через контраст, диспропорцию, сдвиг, графичность. То, что прежде существовало на уровне идей и сюжетостроения, постепенно внедряется в текстовую ткань произведения, определяя его стилистику и поэтику, являя современный способ художественного мышления «детского» писателя. Кроме того, следует отметить изменение философской и психологической основы и стилевой практики внутреннего монолога, монолога-рассказа, различных форм «я»-повествования в прозе для подростков.

Для конвергентов специфическая устойчивая конфигурация жизни диалогического сознания, основанная на определенной системе ценностей, оформляется как этически понятое творчество и единственный способ проживания действительности, понимаемый как смысл и ощущаемый как счастье. Трансцендеры не центрированы на собственном «я», их ментальная конфигурация неуязвима для гордыни, тщеславия, праздности, уныния, алчности, чревоугодия, гнева – перечень смертных грехов – предельно лаконичное и емкое наименование наиболее эффективных ловушек для инклюзивных эго. Злу не составляет труда подключиться к таким героям: разъем, точку подключения простраивает грех – «ошибка», «промах», «неверный шаг», делающие героя доступным, открывающие возможности для внедрения «бота» зла, запускающего серию личностных деформаций. Для трансцендеров характерно «низведение ума в сердце» (корректировка интеллекта, опасного в своей оторванности от регулятора души) и понимание «я» не как центра личности, иглы Кощея, спрятанной в наборе охранительных оболочек от посяганий хищных Других, а как инструмента, которым можно творить реальность. Если сплетня – замыкать

на себе, останавливать собой, если несправедливость – решать собой, если собственных сил не хватает – связывать через себя тех, кто может помочь нуждающимся в помощи. Так реализуется конвергентно понятая свобода выбора.

Такой подход пестует человека служения, а не потребления, не «служебного» человека с его редукцией души и гигантским эго, держащим носителя на коротком поводке греха, именуемого «личной свободой». Этот поводок в руках хозяина, цифрового «делителя» и высокотехнологичного лжеца, о креативной мимикрии которого писали все наши нравственные камертоны – от Пушкина и Достоевского до Высоцкого и Бродского. Такая «личная свобода» – максимально эффективный способ управления человеком, манипулирования его атомизированной «маленькой, но гордой» дофаминовой свободой. Трансцендеры же менее всего зависят от белкового тела – внутренняя спокойная, (не педалируемо-демонстративная инстаграмная) аскеза укрощает гормональную бурю, а трезвение – осознание себя, «внутреннее делание» – позволяет соскочить с кортизоловых и окситоцитоновых «качелей». Человек служения – точка конвергенции для верующих разных конфессий и ноосферников-космистов.

Как должна складываться терминология, фиксирующая эти смыслы на стыке философии, богословия, культурологии, – открытый вопрос. Аксиологическая проблематика не является прерогативой исключительно религиозной сферы. Национальная этическая «арматура» связует, «держит» сквозь время и канон отечественной языческой архаики, и православные заповеди, и советские нравственные постулаты – вплоть до концепции русского космизма. Эти смыслы вкладываются друг в друга, как матрешки, определяя национальную идентичность в историческом временном развертывании. Речь идет не о сведении к единому консенсусу в дьявольском котле экуменизма, но о вполне соборном, взаимодополняющем сосуществовании национальных трансцендентных ценностей.

Для воспитания человека служения, а не служебного человека, потребителя учебного или научного контента, необходимо постулирование смысла бытия. Конечно, для подростка характерно бытие «на разрыв аорты», но эта опасность сгореть должна быть правильно прожита, поскольку нейронные связи формируются, закрепляя ментальные композиции и алгоритмы мышления, которые будут использовать взрослые – бывшие подростки. Эти «нейронные ансамбли», сложившиеся в отрочестве, будут определять выбор человека во взрослой жизни. А взросление предполагает оформление корректора меры, регулирующего это горение, позволяющего его длить во времени.

Сверхзадача у подростковой литературы такая же, как и у литературы для взрослых, – формирование сознания, профессионального и человеческого, осознание базовой аксиологии «бытия человеком», приобретение нравственного иммунитета, поскольку настоящая «живая» нравственность – это форма знания: кому-то она дается как благодать, кто-то должен совершить усилие, чтобы ее обрести.

Сегодняшняя реальность – период ментальных, или «психоисторических» войн. Удары в этих войнах – это смыслы, формирующие определенное понимание сущности жизни национальной, а в последнее время – общечеловеческой.

Атакует не только наше настоящее, но и прошлое, и, что особенно опасно, – будущее. Национальную идеологию не нужно создавать – она есть, на ней держится наша Держава. Как бы государство ни называлось в историческом времени, сакральные ценности в нем – цивилизационнообразующие. Их нужно не создавать, а сознать. И артикулировать соответственно исторической ситуации. Неслучайно у языка ядро незыблемо, а «геометрия крыла» изменяема, что позволяет на современном наречии излагать вечные истины и традиционные ценности так, чтобы подростки поверили.

Подростковый период – время выбора. Нужны новые горизонты будущего, под которое будут выбираться роли, основанные на идеях служения, аскезы, преображения, воплощенные в формах жизни, дающие возможность проживать такую роль в любимом персонаже, поверить в нее, сделать своей – и это задача литературы как особого вида искусства.

Список работ, опубликованных по проблематике исследования

Монография

1. Свитенко, Н. В. Ценностные ориентиры отечественной прозы для подростков второй половины XX – начала XXI века: монография / Н. В. Свитенко. – Москва: ФЛИНТА, 2023. – 240 с. (14 п. л.)

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень рекомендуемых ВАК:

2. Свитенко, Н. В. Трилогия «Паруса Эспады» В. П. Крапивина: конфликт и система персонажей в аксиологическом аспекте / Н. В. Свитенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научный журнал. – 2022. – № 6-2 (84). – С. 252–257. (0,5 п. л.)

3. Свитенко, Н. В. Типология модусов сознаний и система ценностей в романе «Дом, в котором...» М. Петросян / Н. В. Свитенко // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 4 (118). – С. 48–51. (0,5 п. л.)

4. Свитенко, Н. В. «Пространство времени»: семантика фрактальной спирали в романе «Дом, в котором...» М. Петросян / Н. В. Свитенко // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 1. – С. 7–10. (0,5 п. л.)

5. Свитенко, Н. В. Повествовательные стратегии современной прозы для подростков: композиционный полифонизм в романе «Дом, в котором...» М. Петросян / Н. В. Свитенко // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – Т. 16, № 1 (45). – С. 107–112. (0,6 п. л.)

6. Свитенко, Н. В. Сюжетная ситуация «травли» в отечественной прозе для подростков: нейрофизиология поведения и специфика конфликта / Н. В. Свитенко // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 12. – С. 43–47. (0,5 п. л.)

7. Свитенко, Н. В. Экфрасис и его функции в повести Э. Веркина «Облачный полк» / Н. В. Свитенко // Культура и текст. – 2022. – № 4 (51). – С. 132–139. (0,7 п. л.)

8. Свитенко, Н. В. Генезис и репрезентация психологической травмы в повести «Три твоих имени» Д. Р. Сабитовой / Н. В. Свитенко // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. – 2022. – № 5. – С. 16–22. (0,5 п. л.)
9. Свитенко, Н. В. «Точка невозврата»: предательство в структуре сюжетов отечественной прозы для подростков / Н. В. Свитенко // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2022. – № 4 (167). – С. 260–264. (0,5 п. л.)
10. Свитенко, Н. В. «Вольные» взрослые и «ничейные» дети: проблемы нуклеарной семьи в современной прозе для подростков / Н. В. Свитенко // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. – 2022. – № 5. – С. 37–41. (0,5 п. л.)
11. Свитенко, Н. В. Метасюжет инициации в современной отечественной прозе для подростков / Н. В. Свитенко // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2022. – № 5 (168). – С. 226–229. (0,4 п. л.)
12. Свитенко, Н. В. Аксиологические ориентиры отечественной литературы для детей и юношества: самопожертвование как поступок / Н. В. Свитенко, Е. А. Жиркова // *Наука. Образование. Современность*. – 2022. – № 1-4. – С. 44–48. (0,4 п. л.)
13. Свитенко, Н. В. Террор интеллекта: репрессивная духовность в повести «Гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких / Н. В. Свитенко // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2021. – № 10 (163). – С. 233–236. (0,4 п. л.)
14. Свитенко, Н. В. «Гадкие лебеди»: ценностные ориентации подростков в одноименной повести А. и Б. Стругацких / Н. В. Свитенко // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. – 2021. – № 4 (113). – С. 64–70. (0,4 п. л.)
15. Свитенко, Н. В. «Трансцендеры»: аксиология конвергентного сознания в современной прозе для подростков / Н. В. Свитенко // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2023. – № 4 (130). – С. 1–4. (0,5 п. л.)
16. Svitenko, N. V. Axiology of the plot of initiation in modern domestic prose for teenagers / N. V. Svitenko // *International Research Journal*. – 2023. – № 5 (131). (0,4 п. л.)
17. Свитенко, Н. В. «В ожидании друга, или признания подростка» Л. Нечаева: «взросление» сознания в жанре литературной исповеди / Н. В. Свитенко, Е. А. Жиркова // *Наука. Образование. Современность*. – 2023. – № 1. – С. 28–32. (0,5 п. л.)
18. Свитенко, Н. В. Функции архетипа трикстера в повести «Шут» Ю. П. Вяземского / Н. В. Свитенко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 688–692. (0,5 п. л.)
19. Свитенко, Н. В. Художественная репрезентация сознания подростка-аутиста в современной отечественной прозе для подростков / Н. В. Свитенко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 996–999. (0,5 п. л.)

Публикации в издательствах, индексируемых в зарубежных базах, данных:

20. Svitenko, N. V. Semantic transformations of russian cultural heritage in the consciousness of soviet era / N. V. Svitenko, Ye. V. Somova, Ye. A. Zhirkova // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2019. – Т. 58. – P. 1145. (0,8 п. л.)

21. Svitenko, N. V. Author's Tale of A. M. Remizov and A. N. Tolstoy as an expression of national consciousness / N. V. Svitenko, L. B. Martynenko, V. A. Golovko. – Text: direct // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: International Scientific Forum «National Interest, National Identity and National Security» (Great Britain, 2021), 2021. – P.1112–1118. (0,8 п. л.)

Публикации, размещенные в базе данных РИНЦ

22. Свитенко, Н. В. Архетипическая «матрица» литературного образа «страшной матери» / Н. В. Свитенко // Юбилейное: вопросы истории, поэтики, интерпретации русской и зарубежной литературы: сб. тр. ученых-филологов КубГУ, посвященный литературным юбилеям: писатели, ученые, книги. – Краснодар: КубГУ, 2018. – С. 71–75. (0,4 п. л.)

23. Свитенко, Н. В. «Открытый заговор великого инквизитора»: Ф. Достоевский против г. Уэллса / Н. В. Свитенко // Достоевский в русской и зарубежной словесности (к 200-летию писателя): материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2021. – С. 13–18. (0,5 п. л.)

24. Свитенко, Н. В. Обряд инициации в структуре сюжета современной прозы для подростков («С кем бы побегать?» Д. Гроссмана) / Н. В. Свитенко, А. Е. Юсупова // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2022. – С. 287–291. (0,3 п. л.)

25. Свитенко, Н. В. Мотив судьбы в повести «Ямы» Луиса Сашара / Н. В. Свитенко, П. Р. Никонович // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2022. – С. 263–267. (0,5 п. л.)

26. Свитенко, Н. В. Фигура «ненадежного рассказчика» в повести братьев Стругацких «Отель “У погибшего альпиниста”» / Н. В. Свитенко, П. Р. Никонович // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2023. – С. 262–268. (0,5 п. л.)

27. Свитенко, Н. В. Сюжет инициации в дилогии «Убыр» Ш. Ш. Идиатуллина / Н. В. Свитенко, М. А. Богданченко // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2022. – С. 214–218. (0,4 п. л.)

28. Свитенко, Н. В. «Роботы», «людены», «подруги» и другие «расы»: мифологическая семиотизация образа «чужого» в прозе А. и Б. Стругацких / Н. В. Свитенко, В. И. Слатвинская // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2019. – С. 295–298. (0,4 п. л.)

29. Свитенко, Н. В. Особенности пространственно-временной организации повестей Д. Емца / Н. В. Свитенко, А. Е. Ковалева // Актуальные вопросы

современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2016. – С. 119–122. (0,4 п. л.)

30. Свитенко, Н. В. Мотив грехопадения и искупления в цикле повестей «Мефодий Буслаев» Дм. Емца / Н. В. Свитенко, А. Е. Ковалева // Гамлет и Дон Кихот в русской и зарубежной словесности (к 400-летию со дня смерти Мигеля де Сервантеса и Уильяма Шекспира): материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 169–173. (0,4 п. л.)

31. Свитенко, Н. В. «Я жив, это вы все умерли»: трансгрессивная проза Филипа К. Дика / Н. В. Свитенко, Б. С. Куккоев // Юбилейное: вопросы истории, поэтики, интерпретации русской и зарубежной литературы: сб. тр. ученых-филологов КубГУ, посвященный литературным юбилеям: писатели, ученые, книги. – Краснодар: КубГУ, 2018. – С. 181–185. (0,4 п. л.)

32. Свитенко, Н. В. Революция как ревизия эпистем в повести Стругацких «Гадкие лебеди» / Н. В. Свитенко, В. В. Слатвинская // Литература и революция (к 100-летию Октябрьской революции): материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 272–275. (0,4 п. л.)

33. Свитенко, Н. В. «...Ибо отцы наши не приняли этого»: цивилизационный выбор России в новое время / Н. В. Свитенко, В. В. Сайченко // Культурологический журнал. – 2016. – № 3 (25). – С. 2. (0,6 п. л.)

34. Свитенко, Н. В. «Положительный тип, который ищет наша литература», в творческой интерпретации Ф. М. Достоевского: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33) / Н. В. Свитенко, В. В. Сайченко. // Материалы XII Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (г. Липецк – Задонск, 20-22 октября 2016 г.). – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 135–137. (0,5 п. л.)

35. Свитенко, Н. В. «Мучача детестабле»: хорошая «плохая» девчонка в романе «Семь фунтов брамсельного ветра» В. Крапивина / Н. В. Свитенко // Крапивинские чтения: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. 12–13 октября 2023 г. / Российская библиотечная ассоциация; Министерство культуры Свердловской области; Свердловская областная библиотека для детей и молодежи им. В. П. Крапивина; [сост. С. В. Кокорина; общ. ред. Ю. В. Костромина, С. В. Кокорина]. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2023. – С. 31–37. (0,3 п. л.)

36. Свитенко, Н. В. «Держать ответ»: сюжет взросления в повести «Тетрадь с фотографиями» В. Железникова / Н. В. Свитенко, А. Е. Зобнина // Актуальные вопросы гуманитарных исследований, посвящ. 300-летию Рос. Академии наук: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГТУ, 2024. – С. 8–12. (0,3 п. л.)

37. Свитенко, Н. В. Семья как «базовая» аксиологема в повести «Дагги-Тиц» В. П. Крапивина / Н. В. Свитенко // Проблемы изучения и преподавания литературы в школе и вузе: «мысль семейная» в художественной литературе: материалы IX Междунар. науч.-практ. семинара. – Горловка: Донецкий государственный университет, 2024. – С. 25–30. (0,3 п. л.)

СВИТЕНКО Наталья Вячеславовна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АКСИОЛОГИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 20.06.2024. Печать цифровая.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 3,6. Тираж 100 экз. Заказ № 5678.2.

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149